
Предисловие к Полному собранию творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе

Православие, то есть православная жизнь и православное вероучение, зиждется, как известно, на двух столпах: Священном Писании и Священном Предании. По словам выдающегося сербского подвижника и богослова преп. Иустина Поповича, «так как Троичный Господь изустно и письменно преподав Откровение, вручил его Своей Церкви на хранение, изъяснение и проповедание, то Божественное Откровение — источник святых догматов в своих двух формах: Священном Писании и Священном Предании. Священное Писание и Священное Предание в их Божественной чистоте и полноте хранит, изъясняет и проповедует единая Святая Соборная Апостольская непогрешимая Православная Христова Церковь»¹. Священное Писание и Священное Предание неотделимы друг от друга и вместе являют полноту Истины Христовой. Или, как замечает один православный исследователь, «по достоинству Предание одинаково со Священным Писанием: они суть только два источника одной и той же проповеди об одной и той же Истине»². Если обратиться к собственно Священному Преданию, то его, с определенной долей условности, можно разделить на две основные части: устное Предание и Предание письменное. В письменном Предании существенную, центральную роль играют творения святых отцов Церкви. «Отцами же Церкви Христианской собственно именуются следовавшие за Апостолами учителя Церкви, оставившие последующим временам свои писания с силою возрождать духовных чад о Христе; это те преемники духа апостольского, которые и могли по дарованиям богопросвещенного ума и хотели по благодатной чистоте души предлагать и предложили в писаниях чистую истину Христову, семя Божие, действующее во спасение»³. Естественно, что святоотеческие творения являют собой многообразную по форме, но единую по содержанию Истину Православия. Кроме того, нельзя не напомнить, что без творений отцов Церкви немислима история культуры: без них нельзя понять ни истории литературы, ни истории философии, ни истории иконописи и т. д.

¹ Собрание творений преподобного Иустина (Поповича). М., 2006. Т. 2. С. 23.

² Пономарев П. П. Святые отцы и писатели Церкви о Священном Предании // В кн.: *Преподобный Викентий Лирицкий*. О Священном Предании Церкви. СПб., 2000. С. 122.

³ *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об отцах Церкви. М., 1996. С. IV.

Огромное количество святоотеческих сочинений написано в самых различных жанрах: здесь встречаются и трактаты («слова»), и проповеди (гомиллии), и послания, и краткие изречения («главы»). Также разнообразны и языки, на которых они созданы: греческий, латинский, сирийский, церковнославянский, сербский и др. Хронологические рамки святоотеческих творений чрезвычайно обширны: от конца I века после Рождества Христова и до наших дней. Более того, можно сказать, что эти рамки как бы разомкнуты в будущее: отцы Церкви всегда будут появляться до тех пор, пока существует Православная Церковь. Здесь мы находим существенное различие между православным и католическим пониманием отцов Церкви. Согласно католическому восприятию, «эпоха отцов» заканчивается VIII веком: «Последним отцом был святой Иоанн Дамаскин. Все выдающиеся богословы после Дамаскина у католиков называются учителями Церкви, а не отцами. В свете православного понимания Священного Предания такой подход неприемлем. Наша Церковь учит, что Божественное Откровение не ограничено Священным Писанием, а Священное Предание не ограничено никакими хронологическими рамками. Дух Святой действует через людей всех времен, и Церковь “узнает” в людях своих “святых отцов” не по причине древности, а руководствуясь своей внутренней интуицией, на основании которой и формируется Предание»¹.

В связи с необычайной важностью святоотеческих творений их изучением, так же как и изучением жизни и богословия святых отцов, занимается специальная церковно-историческая и богословская наука — *патрология* (букв. «учение об отцах»). Православная патрологическая наука объемлет всех отцов Церкви от зарождения христианства до наших дней, но так называемая «классическая патрология» изучает греческих отцов Церкви до середины XV века (до взятия Константинополя и гибели Византии), латинских отцов до середины XI века (момента так называемого разделения Церквей) и сирийских отцов до преп. Исаака Сирина (VII в.), исключая, естественно, монофизитов и несториан. Но, несмотря на указанные хронологические и исторические ограничения, объем материала для «классической патрологии» грандиозен. Следует отметить, что святоотеческие творения в древности и Средневековье переписывались от руки, причем многие из них исчезали вследствие тех или иных исторических причин, другие содержали лакуны и множество неточностей. Сейчас эти рукописные творения находятся в различных собраниях и хранилищах, и некоторые из них открываются уже в наши дни. С изобретением книгопечатания в XV веке начался процесс их публикации, продолжающийся до сих пор. Первые печатные издания святоотеческих творений на Западе в XVI–XVII веках имели много недостатков и страдали множеством погрешностей, но постепенно качество этих изданий улучшалось. Большая подготовительная работа по печатанию произведений отдельных отцов и древнецерковных писателей увенчалась в середине XIX века появлением двух монументальных серий, осуществленных аббатом Ж.-П. Минем (1805–1875). Первоначально он, возглавив коллектив сотрудников, издал латинскую «Патрологию» (1844–1855), включающую в себя 221 том (каждый представляет собой увесис-

¹ *Протоиерей Иоанн Мейендорф*. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 11.

тый фолиант); в эту латинскую серию вошли сочинения западных отцов Церкви и христианских писателей до начала XIII века. За ней последовала греческая серия (1857–1866); она содержала 161 том, и в них вошли творения греческих отцов Церкви и церковных писателей с конца I до середины XV века. По полноте охвата святоотеческого наследия «Патрология» Минья не превзойдена и поныне: не случайно русский патролог Н. И. Сагарда называет ее «величайшим и самым полным из всех собраний произведений древнецерковной литературы»¹. Заметим, что этому монументальному изданию присущ ряд недостатков, поскольку Ж.-П. Минья в основном перепечатывал старые издания, добавив к имевшимся в них ошибкам и некоторые новые². Однако все это с лихвой окупается полнотой «Патрологии». С конца XIX века и на протяжении всего XX века стали выходить в свет *критические издания* творений святых отцов и церковных писателей. Само название «критические издания» предполагает тщательное изучение рукописной традиции произведений христианской древности, выявление наиболее корректных рукописей и на основе этого издание строго выверенного текста. Из таковых изданий наиболее серьезным и важным представляется «Свод христианских авторов» (Corpus Christianorum), начавшийся с середины XX века в Бельгии и продолжающийся до сих пор (его осуществляют католические исследователи). «Свод» включает в себя четыре серии (греческую, латинскую, «средневековое продолжение» и серию «апокрифическую»), из которых наибольшую значимость для нас представляет, естественно, греческая серия (вышло уже более 50 томов). Можно упомянуть издание, выходящее во Франции также с середины XX века (силами опять же преимущественно католических ученых) и называющееся «Христианские источники» (Sources chretiennes); недавно вышел в свет юбилейный 500-й том его. Французское издание отличается от упомянутых выше тем, что здесь публикуются как сочинения греческих отцов и церковных писателей, так и произведения латинских христианских авторов (даже сирийских писателей — только в переводе на французский язык). Кроме того, в этом издании приводится не только греческий или латинский текст того или иного произведения, но и французский перевод; каждый том сопровождается солидными комментариями или примечаниями и серьезными вступительными статьями. Аналогичное издание под названием «Христианские источники» (Fontes Christiani) начало выходить с 1988 года и в Германии. Все эти издания святоотеческих творений и сочинений древнецерковных писателей послужили основой не только их изучения (что является непосредственным делом патрологической науки), но и переводов их на современные западные языки. Среди переводов достойны упоминания такие английские серии, как «Доникейские отцы» (10 томов), «Никейские отцы» (14 томов) и «Посленикейские отцы» (14 томов); американская серия «Древние христианские писатели» (120 томов), греческая серия «Библиотека греческих отцов и церковных писателей», а также немецкая серия «Библиотека отцов Церкви».

Что же касается России, то здесь традиция перевода святоотеческих творений восходит, можно сказать, к самым истокам нашего исторического

¹ Сагарда Н. И. Лекции по патрологии I–IV века. М., 2004. С. 47.

² Там же. С. 47–48.

бытия: к истории Киевской Руси. Так, вторая по древности из известных нам славянских рукописей «Изборник Святослава 1073 года» — во многом собрание отдельных выдержек из произведений святых отцов и древнецерковных писателей (хотя там имеются, например, и канонические тексты). В Древней Руси активная переводческая деятельность не затихала, и были переведены творения ряда известных отцов Церкви: свв. Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и др. Затем переводы писаний святых отцов выходили из стен Славяно-греко-латинской Академии (можно упомянуть деятельность Моисея Гумилевского, впоследствии епископа Феодосийского, переведшего сочинения преп. Макария Египетского и Дионисия Ареопагита), и Троицкой Лаврской семинарии, ректором которой долгое время был Преосвященный митрополит Платон Левшин, горячий ревнитель греческой святоотеческой словесности, сам издавший перевод «Бесед на Книгу Бытия» св. Иоанна Златоуста¹. Когда при Петербургской Духовной Академии в 1821 году начал издаваться периодический журнал «Христианское Чтение», очень заметное место в нем занимали переводы творений святых отцов Церкви. Идея составления святоотеческой серии витала в воздухе, и в 1840 году архимандрит Никодим Казанцев (впоследствии епископ Енисейский), питомец Московской Духовной Академии, по поручению Святейшего Синода подготовил проект такого издания. Значимость перевода он ясно и четко сформулировал следующим образом: «Только с того времени, как русские богословы будут читать святых Отцов на русском языке, можно ожидать, что они будут самостоятельные и зрелые богословы и не будут зависеть от латинских, немецких, французских и английских богословов и богословий»². Идею горячо поддержал архимандрит (впоследствии архиепископ Черниговский) Филарет Гумилевский, тогда ректор Московской Духовной Академии, которого можно с полным правом назвать основателем русской патрологической школы³. Осуществить проект оказалось возможным лишь при мощной поддержке и непосредственном руководстве святителя Филарета Московского. По словам И. Корсунского, «на первом плане при этом выступает пред нами величавая личность и многосторонняя, неустанная деятельность митрополита Московского Филарета, более полу столетия имевшего ближайшее отношение к Московской Духовной Академии вообще и к переводному делу ее в частности»⁴. Во многом по инициативе святителя Святейший Синод дал предписание Правлению Московской Духовной Академии начать систематическую работу по переводу святоотеческих творений. В этом предписании среди прочего говорилось: «Один из главных и существенных предметов знания для духовных воспитанников, как будущих служителей Церкви, должны составлять, после Св. Писания, творения св. Отцев. Между тем, опыт показывает, что они не довольно бывают ознакомлены с сим предметом, частью по недостаточным сведениям в тех языках, на коих

¹ См.: *Корсунский И.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1894. С. 2.

² Цитируется по: *Корсунский И.* Там же. С. 10.

³ См.: *Сидоров А. И.* Преосвященный Филарет (Гумилевский) — основатель русской патрологической школы // В кн.: *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об отцах Церкви. С. XXX–XLVI.

⁴ *Корсунский И.* Указ. соч. С. 23.

писали св. Отцы, частью по несовершенству переводов их творений на наш отечественный язык, которыми хотя и богата православная наша Церковь, но язык сих переводов уже обветшал, так что они, оставаясь неоцененным сокровищем для любителей древнего наречия, не могут удовлетворять новых читателей, ищущих вместе с глубокими созерцаниями и приятного изложения. Посему представляется необходимою потребностью как для всех православных, так в особенности для лиц, посвящающих себя служению Церкви, новый и при том последовательный перевод св. Отцев на язык общеупотребительный, который бы вместе соответствовал важности предметов, содержащихся в их писаниях»¹. Помимо этого, в предписании указывалось, что начать перевод необходимо с творений свв. Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста и «через каждые три или четыре месяца готовить непременно одну книгу переводов, которая бы составляла не менее 10 печатных листов на четвертую часть листа»². Так, начиная с 1843 года, стали издаваться «Творения святых Отцев в русском переводе»; попутно выходил и журнал «Прибавления к творениям святых Отцев», впоследствии называвшийся «Богословский Вестник». В деле переводов святоотеческих творений потрудились многие преподаватели Московской Духовной Академии, из которых особенно следует отметить протоиерея Петра Спиридоновича Делицына: он «до конца своей жизни принимал наибольшую долю участия» в издании, занимаясь «и переводом, и редакцией переводов других лиц»; вот почему этот труд Московской Духовной Академии, «доставивший ей самой почетное имя, как замечательный и величественный, по обширности замысла и выполнения, литературный памятник, как плод основательного изучения греческого языка и его словесности, есть по преимуществу труд П. С. Делицына, памятник его способностей и трудолюбия»³. Первыми были изданы творения свт. Григория Богослова, затем святителя Василия Великого и т. д. Всего при Московской Духовной Академии было издано более 70 томов переводов святоотеческих творений⁴.

Впрочем, переводческая деятельность не ограничивалась стенами Московской Духовной Академии. Так, силами Петербургской Духовной Академии были изданы полное собрание творений св. Иоанна Златоуста, преп. Феодора Студита и древних церковных историков (Евсевия, Сократа, Созомена, Евагрия); Киевская Духовная Академия взяла на себя труд

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 15–16.

³ Там же. С. 42–43. По словам биографа этого выдающегося мужа, «двадцать лет он не выпускал из своих рук святоотеческих фолиантов, он проникся духом творений великих светильников Церкви. Отмечают, что от его собственных проповедей веяло золотым веком святоотеческой литературы. Говорят, занятиям творениями св. отцев он посвящал от 10 до 11 часов в сутки. Он читал и писал в каком-то полулежащем положении, и в результате у него произошло искривление позвоночного столба. Отцы, их чтение и перевод были для него насущною потребностью жизни. Почти умирая, он говорил о новых изданиях и переводах». *Глаголев С. С.* Протоиерей Петр Спиридонович Делицын. (Род. 16 июня 1795 г. ум. 30 ноября 1863 г.) // Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню ее столетнего юбилея (1814 – 1 октября – 1914). Сергиев Посад, 1914. С. 14–15.

⁴ Полная роспись этих переводов см.: *Иеромонах Дионисий (Шленов)*. Библиографический указатель к «Творениям святых отцов в русском переводе» // *Богословский Вестник*. № 3. 2003. С. 276–349; № 4. 2004. С. 410–477; № 5–6. С. 493–627.

по переводу сочинений западных отцов Церкви и латинских церковных писателей (блаж. Иеронима Стридонского, блаж. Августина, Тертуллиана и др.); в Казанской Духовной Академии были осуществлены переводы Деяний Вселенских соборов и произведений некоторых отцов Церкви (св. Ипполита Римского, св. Григория Двоеслова и пр.). Кроме того, переводческая деятельность отнюдь не замыкалась на Духовных Академиях, ибо на ниве ее подвизались многие православные ученые-трудящиеся. Так, протоиерей Петр Преображенский подготовил и выпустил в свет переводы творений мужей апостольских, греческих апологетов II века и св. Иринея Лионского; П. М. Боголюбский — перевод «Толкования на Апокалипсис» св. Андрея Критского и «Жизни во Христе» Николая Кавасилы; Н. Корсунский перевел сочинения Климента Александрийского и некоторые другие. Нельзя не упомянуть и Оптину пустынь, где переводились некоторые аскетические творения святых отцов. Наконец, преп. Паисий Величковский и свт. Феофан Затворник прославились в православном мире своими церковнославянским и русским переводом известного Добротолюбия¹.

К сожалению, революция прервала этот плодотворный процесс перевода святоотеческих творений. После Великой Отечественной войны, когда возник «Журнал Московской Патриархии», а потом и вполне солидное издание «Богословские труды», в них иногда печатались некоторые переводы этих творений, но это было только спорадическим явлением. Лишь с начала 90-х годов прошлого века православная переводческая деятельность возрождается. Так, по инициативе профессора Московской Духовной Академии А. И. Сидорова начинает выходить серия «Святоотеческое наследие» (издательство «Мартис»), задачу которой видели преимущественно в издании новых переводов творений святых отцов с достаточно обширными комментариями и вступительными статьями. Было издано всего пять томов (два тома творений преп. Максима Исповедника, два тома сочинений преп. Иоанна Дамаскина и один том — творений древних отцов-подвижников, причем три тома в переводе самого А. И. Сидорова); отдельно издан был том творений аввы Евагрия. В 1995 году по инициативе того же профессора А. И. Сидорова возникла новая серия — «Библиотека отцов и учителей Церкви» (издательство «Паломник»); задачи ее были обширнее: предполагалось печатание как репринтных изданий, так и изданий новым набором старых переводов, а также публикация новых переводов. К настоящему моменту в этой серии увидели свет 14 томов. В 2003 году по инициативе Издательского Совета Русской Православной Церкви начата аналогичная серия «Творения святых отцов и учителей Церкви»; уже вышло четыре тома ее. Вне названных серий были опубликованы некоторые новые переводы, например «Диспут с Пирром» преп. Максима Исповедника, осуществленный Д. А. Поспеловым (кроме того, в католической серии Bibliotheca Ignatiana был издан в 2006 году русский перевод «О различных недоумениях у святых Григория и Дионисия» или «Амбигв» этого святого отца), «Духовные слова и послания» преп. Макария Египетского, подготовленные А. Г. Дунаевым (хотя парадоксально, что переводчик, из-

¹ См.: Сидоров А. И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности. М., 1996. С. 35–36.

дав вновь найденные творения под именем преп. Макария, в своей обширной вступительной статье полностью отрицает авторство преподобного отца). Отдельные творения святых отцов и древнецерковных писателей публиковались и публикуются в ряде периодических изданий, таких, как «Альфа и Омега», «Богословский Вестник» и т. д.

Как показывает наш беглый обзор, в России накоплен весьма богатый опыт перевода святоотеческих творений. И вновь, как в XIX веке, в воздухе витает идея создания единой обширной серии («корпуса») этих переводов — своего рода «русского варианта *Патрологии Миня*». Однако необходимо четко осознать, что эта задача не из легких. Должно еще пройти какое-то время, прежде чем появятся многие православные ученые, подобные тому же протоиерею Петру Делицыну или протоиерею Александру Васильевичу Горскому; они будут жить подлинно православной жизнью и смогут подыять на себя столь великий труд, немислимый без стяжания «переводческого смиренномудрия», то есть без осознания той огромной дистанции, которая отделяет святых отцов от нас, грешных. Необходимо еще воспитать таких подлинных церковных ученых, желающих постоянно преображать свою жизнь по образцу жития святых отцов, руководствуясь пожеланием святого апостола Павла: «Подражайте мне, как и я Христу» (1 Кор. 4:16). Будем надеяться, что настоящее Собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей послужит приближению этой благой цели.

Издание новой серии переводов святоотеческих творений предполагается осуществить по трем основным направлениям: 1) переиздание старых переводов, 2) издание старых, но отредактированных заново и 3) издание новых. Заметим, что два последних направления будут снабжаться вступительными статьями, примечаниями и комментариями. Что касается принципа издания, то наиболее оптимальным представляется издание творений по важности и значению святых отцов в общем контексте церковного Предания. Особое внимание будет уделено новым переводам, которые планируется публиковать по мере их готовности. Целесообразно издавать, конечно, в первую очередь греческих отцов, но предполагается выпускать переводы творений латинских отцов и древнецерковных писателей. Необходимо учитывать и еще один фактор: многие старые переводы уже переизданы за последние 10–15 лет, причем некоторые из них неоднократно. Однако на повестке дня, как нам кажется, стоит сведение воедино всех (или большинства) имеющихся переводов. Представляется, что немаловажным будет включение в качестве приложений к переводам и исследований православных ученых, касающихся наследия того или иного святого отца или церковного писателя.

Владимир, митрополит Омский и Таврический

Предисловие к Творениям святителя Григория Богослова

Святитель Григорий Богослов был вторым после святого Евангелиста и Апостола Иоанна избранным мужем, которого Православная Церковь почтила высоким наименованием «Богослов». Подобное наименование не случайно, ибо между любимым учеником Господа и кашпадокийским святителем существует несомненное внутреннее сродство и духовная близость. Для личности Апостола, одного из «сынов громовых» (Мк. 3:17), характерна всецелая устремленность горé и непосредственное постижение Истины, которая «как бы сияет в его уме; он чувствует и сердцем постигает ее. Чтобы получить вывод, он не нуждается в длинной цепи логических построений: он созерцает вечную Истину и, как видит, так и сообщает своим возлюбленным чадам. Он просто утверждает или отрицает и всегда говорит с абсолютной точностью, с авторитетом, исключаяющим всякие сомнения в истинности того, что он говорит; он как будто всегда слышит Господа, открывающего ему то, что Сам Он слышит от Отца. Отсюда богословие Апостола Иоанна имеет свой корень не в рассудочной работе, но в непосредственном созерцании, в чувстве, во внутреннем опыте и есть богословие сердца»¹. Великий Апостол, по выражению Златоустого отца, «сын грома, возлюбленный (ученик) Христов, столп церкви, сущих по вселенной, тот, кто имеет ключи от неба»², запечатлел самые возвышенные черты учения воплотившегося Бога Слова в своих богодухновенных писаниях, прежде всего — в своем «Евангелии». И не случайно, что «все христианское догматическое богословие может быть извлечено из его Евангелия и некоторые догматы в нем одном и имеют свое основание»³. Та же всецелая устремленность горе, то же удивительное единство ума и сердца, то же непоколебимое стояние на незыблемой основе духовного опыта (руководимого, естественно, Священным Писанием и Священным Преданием) — этого единственного источника подлинного богословствования характерны и для святителя Григория Богослова. Многие из этих черт нашли свое раскрытие в творениях святителя Григория, которого Преосвященный Филарет по праву назвал «*Догматистом Слова*»⁴. Причем понятие «догматист» в отношении святителя, как и в отношении

¹ Сагарда Н. И. Первое соборное послание святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Исагогико-экзегетическое исследование. Полтава, 1903. С. IX.

² Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. М., 2002. Т. 8. Кн. 1. С. 6.

³ Богословский М. Об отличительном характере Евангелия св. Апостола Иоанна Богослова. М., 1872. С. 13.

⁴ Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об отцах Церкви. М., 1996. Т. 2. С. 132.

Апостола Иоанна, предполагает прежде всего *жизнь в Боге Слове*, то есть *жизнь в Иисусе Христе*. Позднее, уже в византийскую эпоху, почетное наименование «Нового Богослова» усваивается Симеону — удивительному тайнозрителю Божиего велелепия, который «восстает против всякого отвлеченного и книжного богословия, лишенного духовной основы»¹. Если попытаться выделить, что объединяет этих «трех Богословов», то, как отмечает иеромонах Пантелеимон (Успенский), данное единство сводится к трем основным моментам. «Во-первых, полная отрешенность от мира, от всего временного, земного, неудовлетворенность настоящим и обращенность к небу, к будущему, духовному, вечному, как бы всегдашний полет в мир горний, в мир таинственной Истины и бесконечной Любви. Недаром символом Иоанна Богослова как Евангелиста является парящий орел. Черта эта настолько характерна для всех “трех Богословов”, что они еще при жизни были более небожителями, чем обитателями земли. Вторую отличительную чертой наших Богословов является чистота и девственность души, цельность натуры и высокое благородство нрава. Это такие качества, которые присущи не только возлюбленному ученику и великому Богослову, но в такой же почти мере и другим Богословам. Наконец, третьей общею чертой для “трех Богословов” является несокрушимая вера, всецелая преданность Богу и горячая любовь ко Христу»².

Все три отмеченные черты наблюдаются в жизни и творениях свт. Григория Богослова. Правда, в личности святителя иногда можно видеть как бы внутреннее раздвоение, связанное с противоположными устремлениями его ищущей души: с одной стороны, тяга к исихии, пустынному безмолвию и молитве, с другой — пересиливающие эту тягу, как говорил сам святитель, «любовь к Божественным книгам и свет Духа, почерпываемый при углублении в Божие Слово, а такое занятие — не дело пустыни и безмолвия». И как признавался он далее, «много раз колебался я туда и сюда, и, наконец, умирил свои желанья и скитающийся ум установил на середине. Я примечал, что люди, которым нравится деятельная жизнь, полезны в обществе, но бесполезны себе, и их возмущают бедствия; от чего мягкий нрав их приходит в волнение. Видел также, что живущие вне мира почему-то гораздо благоустроеннее и безмолвным умом взирают к Богу; но они полезны только себе, любовь их заключена в тесный круг, а жизнь, какую проводят, необычайно сурова. Поэтому вступил я на какой-то средний путь между отрешившимися и живущими в обществе, заняв у одних собранность ума, а у других — старание быть полезным для общества»³. Как видно из этих слов святителя, за кажущейся раздвоенностью скрывается глубинное единство личности его, которую накрепко цементирует искреннее смиренномудрие и всецелое послушание воле Божией. Поэтому, по верному замечанию нашего современного патролога, «любитель безмолвия, своей волей всегда стремившийся к уединению, чтобы в тиши предаваться богомыслию, — волей Божией он был призван к слову и делу,

¹ *Архиепископ Василий (Кривошеин)*. Преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022). М., 1995. С. 157.

² *Иеромонах Пантелеимон (Успенский)*. Три Богослова: св. Ап. Иоанн Богослов, св. Григорий Богослов и преп. Симеон Новый Богослов // *Богословский Вестник*. 1913. Т. 1. С. 88–89.

³ Святитель Григорий Богослов *Архиепископ Константинопольский*. Собрание творений в 2-х томах. Сергиев Посад, 1994. Т. 2. С. 356–357.

к пастырскому действию среди житейского мятежа, треволения и смуты. В смирении своего хотения проходил он свой скорбный и славный жизненный путь»¹. В этом, как и во многих других характерных чертах своей личности и своего богословия, святитель Григорий был и остается образцом для каждого верующего христианина.

Переиздавая русский перевод творений святителя Григория, мы ориентировались на третье издание его: *Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольскаго. М., 1889* (в шести частях). Этот перевод представляется нам глубоко церковным, отвечающим внутреннему настрою мирозерцания святителя и адекватно передающим поэтическую гармонию его богословского творчества. Новое издание перевода осуществляется в двух томах. Издание снабжено краткими примечаниями и двумя указателями: указателем цитат из Священного Писания, а также, во втором томе, предметным и именованным указателем. Здесь же помещен краткий словарь античной мифологии и культуры, с разъяснением имен и сюжетов, встречающихся в произведениях святителя. Святителю Григорию Богослову посвящено огромное количество научных и популярных книг и статей². Из них мы сочли нужным перепечатать в качестве приложения к первому тому серьезнейший труд священника *Николая Виноградова «Догматическое учение святого Григория Богослова» (Казань, 1887)*, а в качестве приложения ко второму тому — блестящую монографию *А. Говорова «Св. Григорий Богослов как христианский поэт» (Казань, 1886)*. Думается, обе эти работы позволят читателям глубже и объемнее постичь богатый и чудный универсум богословского творчества святителя.

В тексте русского перевода цифра с точкой указывает на нумерацию глав «Патрологии» Миня. Произведения святителя Григория Богослова в издании «Патрология» Миня (*Patrologiae cursus completus / Accurante J.-P. Migne. Series graeca. Paris, 1857–1866*) находятся:

Слова	PG. 35. Col. 395–1252; PG. 36. Col. 9–664.
Стихотворения	PG. 37. Col. 397–1599; PG. 38. Col. 11–130.
Письма и послания	PG. 37. Col. 21–338; PG. 46. Col. 1101–1108.
Завещание	PG. 37. Col. 389–397.
См.: TLG. 2022, 2017/70, 2040/4. CPG. 3010–3052, 3055–3128 (dubia, spuria).	

*Профессор Московской Духовной Академии
и Сретенской Духовной семинарии
А. И. Сидоров*

¹ *Скурат К. Е.* Воспоминания. Труды по патрологии (I–V века). Яхрома, 2006. С. 361–362.

² См. библиографию в кн.: *Сагарда Н. И.* Лекции по патрологии. I–IV века. М., 2004. С. 650–651. Также см. библиографию в энциклопедической статье: Григорий Богослов // *Православная энциклопедия.* М., 2006. Т. 12. С. 700–702. Из новых работ на русском языке см.: *Иеромонах Иларион (Алфеев).* Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998.

Святитель
ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

СЛОВА

СЛОВО 1, на Пасху и о своем замедлении¹

1. Воскресения день — благоприятное начало. Просветимся торжеством и обыдем друг друга. *Рцем: братия, и ненавидящим нас* (Ис. 66:5), кольми паче тем, которые из любви что-нибудь сделали или потерпели. Уступим все Воскресению, простим друг друга: и я (упомяну о сем теперь), подвергшийся доброму принуждению, и вы, употребившие доброе принуждение, хотя несколько и сетуете на меня за умедление. Может быть, пред Богом оно лучше и драгоценнее, нежели поспешность других. Хорошо и уклоняться несколько от призвания Божия, как в древности поступил Моисей, а после Иеремия; хорошо и поспешать с готовностью на глас Зовущего, как Аарон и Исаия, только бы то и другое было по благочестию — одно по причине собственной немощи, а другое по надежде на силу Зовущего. 2. В день таинства помазан я; в день таинства удалился ненадолго, чтобы испытать самого себя; в день таинства и возвращаюсь², избрав сей день добрым попечителем моей боязливости и немощи, дабы Воскресший ныне из мертвых и меня обновил Духом, и, облекши в нового человека, для новой твари, для рождаемых по Богу, соделал добрым образователем и учителем, который со Христом и умирает охотно, и воскресает.

3. Вчера заклан был Агнец, помазаны двери, Египет оплакивал первенцев; мимо нас прошел погубляющий, печать для него страшна и досточтима, и мы ограждены драгоценной кровью. Ныне мы чисто убежали из Египта, от жестокого властителя фараона и немилосердных приставников, освободились от брения и плинфodelания, и никто не воспрепятствует нам праздновать Господу Богу нашему праздник изшествия, и праздновать *не в квасе ветсе злобы и лукавства, но в безква-*

¹ Слово сие говорено по следующему случаю. Когда св. Григорий против воли был поставлен во пресвитера, с назначением вспомоществования, в управление назианзской паствой епископу, престарелому отцу его, тогда св. Григорий, по чувству смирения и потому, что в новом назначении видел препятствие своему стремлению к жизни созерцательной, удалился было в Понт, однако немного спустя, в самый день Пасхи, он возвратился в Назианз и произнес настоящее слово.

² Под днем таинства или, как в подлиннике, под словом *таинство* разумеется в первом случае праздник Рождества Христова, во втором — праздник Богоявления, в последнем — Пасха.

сих чистоты и истины (1 Кор. 5:8), не принося с собой египетского кваса безбожного. 4. Вчера я распинался со Христом, ныне прославляюсь с Ним; вчера умирал с Ним, ныне оживаю; вчера спогребался, ныне совоскресаю.

Принесем же дары Пострадавшему за нас и Воскресшему. Может быть, вы думаете, что я говорю о золоте, или о серебре, или о тканях, или о прозрачных и драгоценных камнях. Это вещество земное, преходящее и на земле остающееся, которого всегда больше имеют злые — рабы дольного, рабы миродержителя. Нет, принесем самих себя — стяжание самое драгоценное пред Богом и Ему наиболее свойственное, воздадим образу сотворенное по образу, познаем свое достоинство, почтим Первообраз, уразумеем силу таинства¹ и то, за кого Христос умер. 5. Уподобимся Христу, ибо и Христос уподобился нам; соделаемся богами ради Него, ибо и Он стал человеком для нас. Он восприял худшее, чтобы дать лучшее; обнищал, чтобы нам обогатиться Его нищетой; принял зрак раба, чтобы нам получить свободу; снисшел, чтобы нам вознестись; был искушен, чтобы нам победить; претерпел бесславие, чтобы нас прославить; умер, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь к Себе долу лежащих в греховном падении. Пусть кто все отдаст, все принесет в дар Тому, Который предал Себя за нас в цену искупления, — ничего не принесет он равного тому, как если представит Ему самого себя, разумеющего силу таинства и соделавшегося всем для Христа, как Он для нас.

6. Сей² пастырь добрый, полагающий душу за овцы, вам, как видите, плодоприносит Пастыря. Ибо сего надеется он, и желает, и просит от вас, пасомых им³. Он дает вам себя сугубого вместо одного и жезл старости делает жезлом духа, к неодушевленному храму присовокупляет одушевленный⁴, к храму прекрасному и небовидному — другой, который как бы ни был скуден и мал, но для него, без сомнения, весьма дорог, и совершен им с великими усилиями и трудами, и (о, если бы можно было сказать!) достоин трудов его. Все свое предлагает он вам, — какое великодушие или, справедливее сказать, какое чадолубие! Предлагает седину и юность, храм и архиерея, завещателя и наследника, предлагает слова⁵, которых вы желали, и слова не пустые, теряющиеся в воздухе и не проникающие далее слуха, но которые пишет Дух, не чернилами, но благодатью, напечатлевает на скрижалях каменных или плотяных, — слова, не слегка на поверхности начертываемые и удобно изглаждающиеся, но глубоко врезающиеся. 7. Вот что приносит вам сей досточтимый Авраам, патриарх, честная и достоуважаемая глава,

¹ Настоящего праздника.

² Отец св. Григория.

³ Здесь разумеется желание отца св. Григория, чтобы сей последний был его преемником.

⁴ Под неодушевленным храмом разумеется храм, созданный отцом св. Григория, под одушевленным — сам Григорий.

⁵ Здесь разумеются слова св. Григория Богослова.

вместилище всех доблестей, образец добродетели, совершенство священства, приносящий ныне добровольную жертву Господу — своего едиnorodного, рожденного по обетованию.

А вы, как дар и плод, принесите Богу и нам расположение быть доброй паствой, вселяясь на месте злачне и воспитываясь на воде упокоения (Пс. 22:1, 2). Хорошо зная пастыря и будучи им знаемы, идите за тем, кто зовет пастырски и свободно, через дверь, а не следуйте чуждому, перескакивающему через ограду, разбойнически и коварно. Не слушайте чуждого гласа, похищающего от истины и расточающего по горам, по пустыням, по дебрям, по местам, которых не посещает Господь, — гласа, отводящего от здоровой веры в Отца и Сына и Святого Духа, во едино Божество и силу; веры, которой вещанию всегда внимали и да внимают всегда мои овцы; не слушайте гласа, который нечистыми и поврежденными словами отторгает и увлекает от истинного и первого Пастыря. Далече от всего того, как от зелья чарующего и смертоносного, да дарует Он всем нам — и пастырям и стаду — и питаться, и питать, и всем ныне и в вечном упокоении быть едино во Христе Иисусе. Ему слава и держава во веки. Аминь.

СЛОВО 2,
к призвавшим вначале, но не встретившим св. Григория,
когда он стал пресвитером¹

1. Что не спешите к нашему слову, о други и братия, некогда столь скорые для того, чтобы принудить меня и извлечь из моей твердыни, то есть из пустыни, которую я возлюбил паче всего, которую я преимущественно чтил и избрал себе руководительницей всей жизни как содейственницу и мать божественного восхождения, как обожительницу? Для чего то, что желали получить, пренебрегаете по получении? Для чего, по-видимому, лучше умеете желать нас, когда нас нет, нежели пользоваться от нас, когда мы с вами, как будто вы хотели только овладеть нашим любомудрием, а не извлекать из него пользу себе? Или же прилично мне сказать и сие: *быхом вам в сытость* (Ис. 1:14), и притом — странное дело! — прежде, нежели вы нас вкусили и испытали. 2. Даже, как странника, вы не ввели меня или, скажу сострадательнее, не введены и вы со мною, для чего если не другое что, то заповедь уважить надлежало. Как начинающему, не дали вы мне руководства, как боязливому, не ободрили меня, как потерпевшего насилие, не утешили; напротив того, — не хотел бы сказать, однако скажу, — и праздник не в праздник вы мне сделали, не с добрым предвестием вы меня приняли и торжество растворили печалью, потому что недоставало при нем самого важного для удовольствия — недоставало вас, моих победителей, несправедливо было бы сказать: любителей. Так удобно пренебрегается все, что удобно препобеждается; раболепно чтится высокое и бесчестится смиряющееся пред Богом. 3. Чего вы хотите? Судиться ли мне с вами или стать судьей? Произнести ли приговор или подвергнуть себя приговору? Ибо надеюсь, что и, судимый, одержу верх, и, произнося суд, праведно вас осужу. Вина ваша в том, что вы не равной мерой воздаете за мою любовь, не отдаете чести моему послушанию и нынешнего усердия не представляете в поруку за будущее, тогда как и при сем усердии едва ли бы можно было положиться на будущее, потому что у всякого более горячности в начале. Напротив того, каждый из вас предпочитает что-нибудь и старому, и новому своему пастырю, не уважая седин и не ободряя юности.

¹ В PG. — Слово 3. — *Ред.*

4. Великолепна изображаемая в Евангелии вечеря (Мф. 22:2 и след.): угощающий ласков; там и друзья, и самое приятное пиршество; это брак Сына. Но Царь созывает, а гости не приходят. Он гневается, и — умалчиваю о том, что было за сим, как о предвещающем грозное, но скажу, что легче выговорить, — Царь наполняет пиршество другими. Не желаю вам сего; но вы поступили со мной (могу ли говорить кротко?) и тех высокомернее и дерзостнее; потому что они, будучи званы, отреклись от вечера и оскорбили Звавшего; а вы не чужие, вы не званые на брак, но сами призвали меня, сами привлекли к сей священной трапезе, сами показали мне великолепие брачного чертога и потом оставили меня. Таковы ваши великие доблести! Кто на село свое, кто к паре волов новокупленных, кто к новобрачной супруге, кто за чем-либо другим маловажным — все вы рассеялись и убежали, не заботясь ни о брачном чертоге, ни о Женихе. 5. Сие весьма опечалило и привело меня в затруднение, — не умолчу о своих чувствованиях, — я едва не удержал слово, которое хотел принести в брачный дар, как лучшее и драгоценнейшее свое достояние, и едва не обратил слова против вас, возлюбленные; потому что однажды я потерпел от вас насилие и мог воспользоваться таким прекрасным случаем; притом язык мой изошряла любовь, которая бывает весьма горяча и неистощима в обвинениях, когда превращается в ревность, оскорбившись неожиданным пренебрежением. Ежели кто из вас был уязвлен любовью и испытал презрение, то он знает силу сей страсти и простит тех, которые подверглись ей и были близки к такому же безумию.

6. Впрочем, мне и теперь непозволительно укорять вас, и не желаю, чтобы когда-нибудь было позволено. Может быть, и сказанное мной чрез меру укоризненно для вас, священное стадо, достохвальные овцы Христовы, Божие достояние, которым богат ты¹ при всей своей бедности. Мне кажется, что прилично отнести к тебе сии слова Писания: *вервь пролегла для тебя по прекрасным местам, и удел твой всего приятнее для тебя* (Пс. 15:6). Я не уступлю ни в чем преимущества перед нами самым многочисленным городам, самым обширным из паств; хотя мы малочисленны в наименьшем колене сынов Израилевых, хотя мы весьма малочисленны в тысячах Иудиных; мы — малый из городов Вифлеем, в котором рождается Христос, и ныне и издревле право познаваемый и почитаемый; мы Отца превозносим, Сына почитаем равным Ему и Духа Святого сопрославляем. Мы единомысленны, единомыслим, нимало не оскорбляем Троицы ни приложением, ни отсечением, как худые распорядители и мерители Божества, которые унижают и оскорбляют все тем самым, что одно почитают более надлежащего.

7. Если же хотите чем-нибудь воздать мне вы, нива моя, виноград мой, утроба моя или, лучше, сего общего нашего отца, который благовествованием породил нас во Христе, то окажите уважение и мне, как требует того справедливость; потому что я предпочел вас всему, в чем

¹ Здесь св. Григорий обращается к отцу своему.

свидетели сами вы и поручившие мне сие правление или служение. И если возлюбившему больше и обязаны мы больше, то как измерю любовь, к которой я обязал вас моей любовью?

Но большее уважение оказывайте к самим себе, почитите вверенный вам образ и Вверившего оный, почитите страсти Христовы и надежду будущей жизни. А для сего храните веру, которую приняли, в которой воспитаны, которой надеетесь сами спастись (1 Кор. 15:1, 2) и других спасти, ибо знаете, что немногие могут похвалиться тем же, чем и вы. Благодетельство поставляйте не в том, чтобы часто говорить о Боге, но в том, чтобы больше молчать; ибо язык, не управляемый разумом, преткание для людей. Всегда держитесь той мысли, что безопаснее слушать, нежели говорить; возделеннее учиться, нежели учить о Боге; тщательнейшее о сем исследование предоставляя строителям слова, сами выказывайте благодетельство менее словом, а более делом и обнаруживайте любовь свою к Богу более соблюдением заповедей Его, нежели удивлением к Законодателю; убегайте зла, преуспевайте в добродетели, духом живите, духом ходите, Им привлекайте ведение; назидайте на основании веры *не дрова, сено, тростие* — вещество слабое, которое легко может истребиться, когда дела наши будут судимы или очищаемы огнем, *но золото, серебро и камень чистно* (1 Кор. 3:12) — вещества твердые и пребывающие. 8. Так поступайте, а тем прославляйте и нас, будете ли с нами или не будете, нашими ли будете пользоваться словами или найдете что-нибудь другое предпочтительнее. Будьте чистыми и непорочными чадами Божиими посреди рода лукавого и развращенного, не опутывайтесь сетями нечестивых, окрест ходящих, и не связывайтесь пленицами своих грехов (Притч. 5:22); слово Божие да не будет подавлено в вас заботами житейскими, чтобы вам не остаться бесплодными. Но идите царским путем, не уклоняясь ни направо, ни налево, и под руководством Духа шествуйте узким путем, как пространном. Тогда все у нас будет благоуспешно и в настоящей жизни, и на будущем испытании во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

**СЛОВО 3,
в котором Григорий Богослов оправдывает
удаление свое в Понт, по рукоположении во пресвитера
и потом возвращение оттуда, также учит, как важен сан
священства и каков должен быть епископ¹**

1. Я побежден и признаю над собой победу. *Повинухся Господеву, и умолих Его* (Пс. 36:7). Так да начнет слово мое блаженнейший Давид или, лучше сказать, Вещавший в Давиде и еще доныне через него Вещающий! Ибо для начинающего всякое слово и дело самый лучший порядок — и начинать Богом, и оканчивать Богом.

О причине же моего прежнего противления и малодушия, по которому я *удалихся бегая, и водворихся* (Пс. 54:8) на немалое время вдали от вас, может быть и желавших моего пребывания у вас, а равно и о причине настоящей моей покорности и перемены, по которой я сам возвратился к вам, пусть всякий говорит и думает по-своему; так как один ненавидит, а другой любит, иной не извиняет, а другой даже одобряет меня. Людям всего приятнее рассуждать о чужих делах, особенно если увлекаются или благорасположением, или ненавистью, в каком случае всего чаще и скрывается от них истина. Но я, отложив стыд, представлю истину и для обеих сторон, то есть для обвиняющих меня и для защищающих, усердно буду правдивым посредником, сам себя в ином обвиняя, а в ином оправдывая. 2. И чтобы слово мое шло в надлежащем порядке, скажу сперва о том, что было со мной прежде — о моей боязливости. Ибо не могу снести, чтобы мной соблазнились некоторые из наблюдающих тщательно за всеми моими поступками, правильны ли они или нет (так как Богу угодно, чтобы и я значил нечто для христиан), а соблазнившихся, если найдутся таковые, уврачую сим защитительным словом. Всего лучше не полагать другим преткновения или соблазна, не погрешая и даже не подавая подозрения, сколько сие возможно и сколько достанет сил ума; потому что знаем, какое неизбежное и тяжкое наказание определил *Неложный* (Тит. 1:2) соблазненным и единого от малых. 3. Но я подвергся сему, братия, не по неведению и недоразумению, напротив того (похвалюсь хотя несколько) — по другим причинам, а не потому, чтобы презирал Божии законы и повеления.

¹ В PG. — Слово 2. — *Ред.*

Как в теле, иное начальствует и как бы председательствует, а иное состоит под начальством и управлением, так и в Церквах (по закону ли справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующего) Бог постановил, чтобы одни, для кого сие полезнее, словом и делом направляемые к своему долгу, оставались пасомыми и подначальными, а другие, стоящие выше прочих по добродетели и близости к Богу, были пастырями и учителями к совершению Церкви и имели к другим такое же отношение, какое душа к телу и ум к душе, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно телесным членам, соединено и сопряжено в один состав, совокуплено и связано союзом Духа, представляло одно тело, совершенное и истинно достойное Самого Христа — нашей Главы. 4. Посему не думаю, чтобы безначалие и беспорядок были полезнее порядка и начальства, как для всего прочего, так и для людей; напротив того, всего менее полезны они людям, которым угрожает опасность в важнейшем. Для них, если не соблюдут первого требования разума, чтобы не грешить, важно второе, чтобы согрешившие возвращаемы были на истинный путь. А поелику хорошо и справедливо быть начальником и подначальным, то, по моему мнению, равно худо и в одинаковой мере противно порядку как всем желать начальства, так и никому не принимать оно на себя. Когда бы все стали избегать сего начальствования или, правильней назвать, служения, тогда бы прекрасной полноте Церкви недоставало бы значительнейшего и она не была бы уже прекрасной. Притом где и кем совершалось бы у нас таинственное и горé возводящее богослужение, которое у нас всего превосходней и досточтимей, если бы не было ни царя, ни князя, ни священства, ни жертвы (Ос. 3:4), ни всего того, чего, как важнейшего, были лишены непокоривые древле в наказание за великие преступления? 5. С другой стороны, нимало не странно и не вне порядка, что многие богомудрые из подначальных восходят на степень начальника; сие не вопреки правилам, какие предписывает любомудрие, и не предосудительно; равно как и то, что искусному корабельщику дают управлять корабельным носом, а тому, кто, управляя носом, умеет наблюдать ветры, поверяют кормило; или (если угодно еще) мужественный воин делается начальником отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряжение всеми военными делами.

И я не степени сана устыдился, желая высшей, что, может быть, полагает иной из людей ни к чему не годных и злых, которые судят о других по собственным своим страстям. Я не так мало разумею и Божие величие, и человеческую низость, чтобы для всякого сотворенного естества не признавать великим делом хоть сколько-нибудь приближаться к Богу, Который един всего светозарнее, всего славнее и превосходит чистотой всякую вещественную и невещественную природу.

6. Итак, что же со мной произошло? Какая была причина моего непослушания? Многим казалось, что я был тогда сам не в себе, сделался

совершенно иным человеком, а не каким меня знали, противился и упорствовал больше, нежели сколько было позволительно. Посему выслушайте тому причины вы, которым давно желательно их знать.

Особенно поражен я был неожиданностью, подобно человеку, поражаемому внезапным громом, не собрался с мыслями; и потому преступил скромность, к которой приучал себя всю жизнь. Потом овладела мной какая-то привязанность ко благу безмолвия и уединения. Любя его с самого начала, сколько едва ли любил кто другой из занимающихся науками, в важнейших и опаснейших для меня обстоятельствах дав Богу обет *безмолвной жизни*, даже коснувшись уже оной, как находившийся в преддверии, и, по изведании, восплававший большим желанием, я не вынес принуждения, не допустил ввергнуть себя в мятежи и насильно отвлечь от такой жизни, как бы от священного убежища.

7. Мне казалось, что всего лучше, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, собравшись в самого себя, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собой и с Богом, жить превыше видимого и носить в себе Божественные образы, всегда чистые и несмешанные с земными и обманчивыми впечатлениями, быть и непрестанно делаться истинно чистым зеркалом Бога и Божественного, приобретать ко свету свет — к менее ясному лучезарнейший, пожинать уже упованием блага будущего века, сожительствовать с Ангелами и, находясь еще на земле, оставлять землю и быть возносиму Духом горе. Если кто из вас объят сей любовью, то поймет, что говорю, и извинит тогдашнее состояние моего духа. Но слова мои не убедят, может быть, многих, именно всех тех, кому смешным кажется сей род жизни, к которому они не расположены или по собственному неразумию, или потому, что иные проходят его недостойно; подкрепляемые завистью, также злонравием и поползновением многих на худшее, они и хорошее именуют худым, любомудрие называют тщеславием. А от сего непременно погрешают в одном из двух — или делают зло, или не верят добру.

8. Сверх сего, произошло со мной еще нечто (открою перед вами всю мою тайну): не знаю, благородно ли это или нет, однако же так было. Мне стыдно было за других, которые, будучи ничем не лучше прочих (если еще не хуже), с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело и прежде, нежели сделались достойными приступить к священству, врываются во святилище, теснятся и толкаются вокруг Святой Трапезы, как бы почитая сей сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию, не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим отчета. И такие люди, скудные благочестием, жалкие в самом блеске своем, едва ли не многочисленнее тех, над кем они начальствуют; так что с продолжением времени и сего зла не останется, как думаю, над кем им и начальствовать, — когда все будут учить вместо того, чтобы, как говорит Божие обетование, *быть наученными Богом* (Ис. 54:13), все станут пророчес-

воватъ и, по древнему сказанію, по древней притчѣ, будетъ и *Саул во пророцехъ* (1 Цар. 10:11). Иныя пороки по временамъ то усиливались, то прекращались; но ничего никогда и нынѣ, и прежде не бывало въ такомъ множествѣ, въ какомъ нынѣ у христіанъ сии постыдныя дѣла и грѣхи. Но ежели не въ нашихъ силахъ остановить стремленіе зла, то по крайней мерѣ ненавидѣть и стыдиться его есть не последняя степень благочестія.

9. Но вотъ последняя причина, которая важнѣе приведенныхъ; ибо касаюсь уже главнѣйшаго въ словѣ и не солгу (что было бы и непозволительно рассуждающему о такомъ предметѣ); я не думалъ и теперь не думаю, чтобы одно и то же значило водить стадо овецъ или воловъ и управлять человѣческими душами. Тамъ достаточно и того, чтобы волы или овцы сдѣлались самыми откормленными и тучными. А на сей конецъ пасущій ихъ будетъ выбирать мѣста, обильныя водою и злачныя, перегонять стада съ одного пастбища на другое, давать имъ отдыхъ, поднимать съ мѣста и собирать иныхъ жезломъ, а бѣльшую — часть свирелью. У пастыря овецъ и воловъ нѣтъ другаго дѣла; разве иногда придется ему повоевать немного съ волками и присмотрѣть за больнымъ скотомъ. Всего же больше озабочиваютъ его дубъ, тень, свирели и то, чтобы полежать на прекрасной травѣ, у студеной воды подъ ветеркомъ устроить на время изъ зелени ложе, иногда со стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣснь, поговорить съ волами или овцами и изъ нихъ же, что пожирнѣе, сѣсть или продать. А о добродетели овецъ или воловъ никто никогда не позаботится. Ибо что у нихъ за добродетель? И кто изъ пастуховъ предпочиталъ собственному удовольствію полезное для стада? 10. Но человеку, который съ трудомъ умеетъ быть подъ начальствомъ, еще, кажется, гораздо труднѣе уметь начальствовать надъ людьми, особенно имѣть такое начальство, каково наше, которое основывается на Божиимъ законѣ и возводитъ къ Богу, въ которомъ чемъ больше высоты и достоинства, темъ больше опасности даже для имеющаго умъ. И онъ, во-первыхъ, подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всякомъ обстоятельстве и дѣлѣ не долженъ звучать, какъ поддельная и нечистая монета, не долженъ нисколько содержать въ себѣ вещества худшаго, которое бы требовало сильнѣйшаго огня. Иначе темъ большее произойдетъ зло, чемъ надъ большимъ числомъ людей будетъ онъ начальствовать; потому что порокъ, распространяющійся во многихъ, значительнѣе порока, оставившагося на одномъ. 11. И не такъ удобно ткань принимаетъ въ себя невыводимую краску и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловоніе или благовоніе, не такъ быстро разливается въ воздухѣ и изъ воздуха сообщается животнымъ какое-нибудь вредное испареніе, производящее сразу и называемое заразой, какъ подчиненные въ скорѣйшемъ обыкновенно времени принимаютъ въ себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку — добродетель. Въ семъ порокъ и беретъ особенно верхъ надъ добродетелью. И я всего болѣе скорблю при мысли, что порокъ есть дѣло, удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое, что всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя бы никто насъ в

том не руководствовал; напротив того, стяжание добродетели есть дело редкое и трудное, хотя бы и многое к ней влекло и побуждало. Сию самую мысль, как думаю, имел и блаженнейший Аггей, когда приведен был к сему чудному и весьма верному изображению. «Вопросите иереев о законе, — говорит он. — Священное мясо, прикоснувшееся к ризе, к какому-нибудь яству, или питию, или сосуду, освятит ли тотчас, что к нему приблизилось?» И когда иереи сказали: «Нет», — «вопросите еще, — говорит. — Когда что-либо прикоснется к нечистой вещи, не тотчас ли примет в себя скверну?» На сие они сказали: «Примет и по причине сообщения не будет уже чистым» (Агг. 2:13, 14). 12. Что значит сие? То же, что и я говорю. Добродетель неудобоприемлема для человеческой природы, как и огонь для влажного вещества; но большая часть людей готовы и способны принимать в себя худое, подобно тростнику, который, по сухости своей, легко воспламеняется и сгорает при ветре от искры. Ибо всякий скорее принимает в себя в большей мере малый порок, нежели высокую добродетель в малой мере. Так небольшое количество полыни тотчас сообщает горечь свою меду, а мед и в двойной мере не сообщает полыни своей сладости. Выдерни малый камень — он повлечет за собой всю реку на открытое место; удержать же и преградить ее едва возможет самая твердая плотина.

13. Итак, первое, чего из сказанного нами бояться должно, есть то, чтобы нам не оказаться худыми живописцами чудной добродетели, особенно же негодным подлинником для других живописцев, может быть и не худых, но многих, или чтобы нам не подойти под пословицу: беремся лечить других, а сами покрыты струпями. 14. Во-вторых, если бы кто из нас сохранил себя, даже сколько можно более чистым от всякого греха, то не знаю еще, достаточно ли и сего готовящемуся учить других добродетели. Кому вверено сие, тот не только не должен быть порочным (сим гнушаются и многие из подчиненных ему), но должен отличаться добродетелью, по заповеди, повелевающей *уклониться от зла и сотворить благо* (Пс. 36:27). Он обязан не только изглаждать в душе своей худые образы, но и напечатлеть лучшие, чтобы ему превосходить других добродетелью больше, нежели сколько он выше их достоинством. Он должен не знать даже меры в добре и в восхождении к совершенству, почитать не столько прибылью то, что приобретено, сколько потерей то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда в ступень к высшему и невысоко думать о себе, если и многих превосходит, но признавать уроном, если не соответствует в чем сану. 15. Ему должно измерять успехи свои заповедью, а не примером ближних (порочны ли они или успевают несколько в добродетели), не взвешивать на малых весах добродетель, какой обязаны мы Великому, от Которого все и для Которого все, не думать, что всем прилично одно и то же; так как не у всех один и тот же возраст, одни и те же черты лица, не одинакова природа животных, не одинаковы качества земли,

красота и величие светил. Напротив того, должно почитать пороком в частном человеке то, что произведено им худого, заслуживает наказания и строго истязуется самым законом, а в начальнике и предстоятеле даже — то, что он не достиг возможного совершенства и не преуспевает непрестанно в добре, потому что ему надобно превосходством своей добродетели привлекать народ к порядку, и не силой обуздывать, но доводить до порядка убеждением. Ибо все, что делается недобровольно, кроме того, что оно насильственно и непохвально, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растению, насильно согнутому руками, как скоро бывает оставлено на воле, обыкновенно возвращается в прежнее свое положение. Напротив того, что делается по свободному производству, то, как скрепляемое узами сердечного расположения, и весьма законно, и вместе надежно. Посему закон наш и Сам Законоположник особенно повелевает *пасти стадо не нуждею, но волею* (1 Пет. 5:2).

16. Положим даже, что иной непорочен и взошел на самый верх добродетели, все еще не вижу, каким запасишься знанием, на какую понадеявшись силу, отважится он на такое начальство. Ибо править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, по моему мнению, действительно есть искусство из искусств и наука из наук. В чем всякий может удостовериться, если врачевание душ сравнит с лечением тел, изведает, сколько трудно последнее, и разберет, сколько наше врачевание еще труднее, а вместе и предпочтительнее, и по свойству врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания. Одно трудится над телами, над веществом бранным и стремящимся долу, над веществом, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя теперь с помощью искусства и преодолется произшедшее в нем расстройство; ибо тело, уступив природе и не выходя из своих пределов, будет разрушено или болезнью, или временем. 17. А другое печется о душе, которая произошла от Бога и божественна, которая причастна горнего благородства и к нему поспешает, хотя и сопряжена с худшим (может быть, и по другим причинам, какие известны единому Богу, сопрягшему ее с телом, и разве еще тому, кто самим Богом научен таковым тайнам, но сколько знаем я и подобные мне люди) для двух следующих целей. Во-первых, чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвиг и за борьбу с дольным и, быв здесь искушена ими, как золото огнем, получила уповаемое в награду за добродетель, а не только как дар Божий. И, конечно, в том верх благодати Божией, что добро соделано и нашей собственностью, не только всеяно в нас с естеством, но возделывается также нашим произволением и движениями свободы, преклонной на ту и другую сторону. Во-вторых, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горе, чтобы она, став руководительницей для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же, чем Бог для души.

18. Врачующий тело принимает во внимание место, случай, возраст, время года и тому подобное, дает лекарства, предписывает образ жизни, предостерегает от вредного, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству; иногда же, когда и над кем нужно, употребляет прижигания, резание и другие еще более жестокие способы лечения. Хотя все сие оказывается очень трудным и тяжелым, однако же не столько, как наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведение, свободное произволение и все в нас тому подобное, исторгать, что приросло к нам зверского и дикого, а на место сего вводить и укоренять все, что есть кроткого и благородного, устанавливать надлежащее отношение между душой и телом, не попуская, чтобы лучшее управлялось худшим, что было бы величайшей несправедливостью, но низшее по природе подчиняя начальственному и владычественному, как, без сомнения, требует Божий закон, прекрасно постановленный для всего творения и видимого, и сверхчувственного.

19. В рассуждении всего исчисленного мной примечаю еще и то, что охраняемое врачом тело каково есть по своей природе, таковым и остается, само же собой нимало не злоумышляет и не ухищряется против средств, употребляемых искусством; напротив того, врачебное искусство владеет веществом, разве иногда произойдет какой-либо временный беспорядок от воли больного, что, впрочем, нетрудно предотвратить и пресечь. А в нас мудрование, самолюбие и то, что не умеем и не терпим легко уступать над собой победу, служат величайшим препятствием к добродетели и составляют как бы ополчение против тех, которые подают нам помощь. Сколько надлежало бы прилагать старания, чтобы открыть врачующим болезнь, столько употребляем усилия, чтобы избежать врачевания. Мы храбры против самих себя и искусны ко вреду своего здоровья. 20. То рабски скрадываем грех, утаивая его в глубине души, как некоторый загноившийся и злокачественный струп, как будто, сокрывши от людей, сокроем и от великого ока и суда Божия; то под различными предлогами извиняем в себе грехи и придумываем оправдания своим страстям; то, заградивши слух, подобно *аспиду глухому и затыкающему уши*, принимаем все меры, чтобы *не слышать гласа обавающих* (Пс. 57:5, 6) и не пользоваться врачевствами мудрости, которыми исцеляется душевный недуг; то, наконец (как поступают более смелые и храбрые из нас), явно не стыдимся ни греха, ни врачующих грех, идем, как говорится, с открытой головой на всякое беззаконие. Какое расстройство ума! Или как еще приличнее назвать такую болезнь! Кого надлежало бы любить, как благодетелей, гоним от себя, как врагов, ненавидя *обличающих во вратех* (Агг. 2:15), гнушаясь *словом праведным* (Ам. 5:10), и подобно тем, которые, терзая собственную плоть, думают, что терзают плоть ближних, предполагаем нанести тем больший вред своим доброжелателям, чем больше зла сделаем сами себе.

21. Посему то полагаю, что наше врачебное искусство гораздо трудней, а следственно, и предпочтительней искусства врачевать тела; но оно трудней еще и потому, что последнее мало заглядывает вглубь, более же занимается видимым; напротив того, наше врачевание и попечение все относится к *потайному сердца человеку* (1 Пет. 3:11) и наша брань со врагом, внутри нас воюющим и противоборствующим, который, оружием против нас употребляя нас же самих (что всего ужасней!), предает нас греховной смерти. А для сего нам нужны великая и совершенная вера, в большей мере Божие содействие, но не в малой также, как убежден я, и собственная наша ревность, выражаемая и действительно оказываемая словом и делом, если нужно, чтобы наши души, которые для нас всего предпочтительнее, хорошо были врачеваны, очищаемы и ценимы дороже всего.

22. Что же касается до цели того и другого врачевания (нам остается еще сличить их в сем отношении), то цель одного — или сохранить здоровье и благосостояние плоти, когда оно есть, или возвратить, когда оно утрачено, хотя и неизвестно, полезно ли сие будет обладающему здоровьем. Ибо и противоположное сему часто приносило великую пользу, равно как нищета и богатство, слава и бесславие, унижение и знатность, также все, что по природе своей занимает середину, не преклоняясь ни на ту, ни на другую сторону, делается лучшим или худшим по употреблению и произволу обладающих. Но цель другого врачевания — окрылить душу, исхитить из мира и предать Богу, сохранить образ Божий, если цел, поддержать, если в опасности, обновить, если поврежден, *вселить Христа в сердца* (Еф. 3:17) Духом — короче сказать, того, кто принадлежит к горнему чину, соделать богом и причастником горнего блаженства. 23. Сего хотят для нас и пестун закон, и посредствующие между Христом и законом пророки, и Совершитель и конец духовного закона — Христос, и истощившее Себя Божество, и восприятая плоть, и новое смешение — Бог и человек — единый из Божества и человечества, и чрез Единого то и другое. Для сего Бог примесился к плоти через посредство души, и далекое между собой совокуплено через сродство посредствующего с тем и другим; все соединилось в едино за всех и за единого праотца — душа за душу преслушную, плоть за плоть, покорившуюся душе и вместе осужденную, Христос, не причастный греху и высший греха, за Адама, бывшего под грехом. 24. Для сего ветхое заменено новым, страданием воззван страдавший, за каждый наш долг воздано особо Тем, Кто превыше нас, и открылось новое таинство — человеколюбивое Божие смотрение о падшем через непослушание. Для сего рождение и Дева, для сего ясли и Вифлеем; рождение вместо создания, Дева вместо жены, Вифлеем вместо Едема, ясли вместо рая, малое и видимое вместо великого и сокровенного. Для сего Ангелы, славящие небесного, соделавшегося потом земным, пастыри, видящие славу на Агнце и Пастыре, звезда путеводствующая

щая, волхвы поклоняющиеся и приносящие дары, чтобы прекратилось идолослужение. Для сего Иисус приемлет крещение и свидетельство свыше, для сего постится, бывает искушаем и побеждает победившего. Для сего изгоняются демоны, исцеляются болезни и великое дело проповеди поручается малым и совершается ими. 25. Для сего мятутся народы и люди помышляют тщетное. Для сего древо за древо и руки за руку — руки, мужественно распростерты, за руку, невоздержно простертую; руки пригвожденные — за руку своевольную, руки совокупающие воедино концы мира — за руку, извергшую Адама. Для сего вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть, тьма для света, погребение за возвращение в землю, воскресение для воскресения. Все сие было для нас Божиим некоторым детоводительством и врачеванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас плод древа познания, безвременно и неблагоразумно вкушенный. 26. Сего-то врачевания служители и сотрудники все мы, председательствующие пред другими, мы, для которых важно знать и врачевать собственные немощи и недуги или, вернее сказать, это еще не столько важно (но меня заставила выразиться так порочность многих, находящихся в сем сани), гораздо же важнее быть в состоянии врачевать и искусно очищать других, чтобы от сего была польза тем и другим — и имеющим нужду во врачевании, и поставленным врачевать.

27. Сверх сего, врачи тел должны переносить известные нам труды, бдения, заботы и, как сказал один из их мудрецов¹, из чужих несчастий собирать себе скорби; иное дознавая и изобретая сами, иное заимствуя и собирая у других, они должны обращать сие в пользу требующих; и что ими найдено или избегнуто, не исключая и самых малостей, для них не маловажно, но признается имеющим силу к укреплению здоровья или к отвращению опасности. И для чего все сие? Чтобы больше дней прожил на земле человек, и человек, может быть, не полезный для общества, но самый негодный, которому, по его порочности, было бы даже лучше давно умереть и через то освободиться от порока, сего величайшего недуга. Но положим, что он и добрый человек; долго ли он будет жить? Неужели всегда? И что приобретет от здешней жизни? Желать разрешиться от нее, по моему мнению, есть первое и вернейшее благо и свойственно человеку подлинно здравомыслящему и умному. 28. Но нам, когда мы в опасности утратить спасение души, души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность, или прославляема за добродетель, какой предлежит подвиг и какие нужны сведения, чтобы хорошо и других уврачевать, и самим уврачеваться, чтобы исправить образ жизни и персть покорить духу? Ибо не одинаковы понятия и стремления у мужчины и женщины, у ста-

¹ Гиппократ.

рости и юности, у нищеты и богатства, у веселого и печального, у больного и здорового, у начальников и подчиненных, у мудрых и невежд, у робких и смелых, у гневливых и кротких, у стоящих твердо и падающих.

29. А если еще разберем подробнее, то какое различие между вступившими в супружество и безбрачными! И у последних опять между пустынножителями, между находящимися в общежитиях и между остающимся в мире! Между опытными и преуспевшими в созерцании и между теми, которые просто исполняют должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми делом и живущими праздно, между претерпевшими измену счастья и благоуспешными, не встречавшими неудач! Все таковые различествуют между собой желаньями и стремлениями — иногда более, нежели сколько они различны по телесному виду, или (если угодно) по сочетанию и растворению стихий, из которых мы состоим; и потому не легко иметь над ними смотрение.

30. Но как телам не одинаковые даются лекарство и пища — иное пригодно здоровому, иное больному, — так и души врачуются различным образом и способом. Свидетелями такового врачевания — сами болящие. Одних назидает слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других — узда; ибо одни ленивы и неудобоподвижны к добру, и таких должно возбуждать ударами слова; другие сверх меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим далее цели, и таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово.

31. Для одних полезна похвала, для других укоризна, но та и другая — вовремя; напротив того, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет увещание, других — выговор, и последний или по всенародном обличении, или по тайном вразумлении. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если укорят их при многих; другие же при гласности обличений терпят стыд, но их смиряет тайный выговор, и за такое снисхождение к себе воздают они благопокорностью.

32. Иные, надмеваясь мыслью, что дела их тайны, о чем они и заботятся, считают себя умнее других, и в таких надобно тщательно наблюдать все, даже самые маловажные поступки; а в других лучше иного не замечать, и, как говорится, видя не видать, слыша не слышать, чтобы, подавив их ревностью обличений, не возбудить к упорству и, напоследок, не сделать дерзновенными на все, истребив в них стыд — сие средство ко внушению покорности. Иногда нужно гневаться, не гневаясь, оказывать презрение, не презирая, терять надежду, не отчаиваясь, сколько сего требует свойство каждого; других должно врачевать кротостью, смирением и соучастием в их лучших о себе надеждах. Одних полезно побеждать; от других часто полезнее быть самому побежденным; и хвалить или охудать должно у иного достаток и могущество, а у иного — нищету и расстройство дел.

33. Ибо наше врачевство не таково, каковы добродетель и порок, из

которых первая всегда и для всех всего лучше и полезнее, а последний всего хуже и вреднее; у нас одно и то же, например: строгость или кротость, а равно и прочее, мной исчисленное, не всегда даже для одних и тех же оказывается или самым спасительным, или опасным. Напротив того, для иных хорошо и полезно одно, а для иных другое, первому противное, сообразно тому, думаю, как требуют время и обстоятельства и как допускает нрав врачуемого. Хотя, сколько бы кто ни употреблял тщания и ума, невозможно всего изобразить словом и обнять мыслью в такой подробности, чтобы вкратце был виден весь ход врачевания; однако же на самом опыте и на деле делается то известным и врачебной науке, и врачу. **34.** Вообще же известно нам, что как для ходящего по высоко натянутому канату не безопасно уклоняться в стороны и малое, по-видимому, уклонение влечет за собой большее, безопасность же его зависит от равновесия, так и в нашем деле, кто, по худой жизни или по невежеству, уклоняется в ту и другую сторону, для того очень опасно, что и сам он впадет в грех, и вовлечет в него управляемых. Напротив того, должно идти самым царским путем и остерегаться, чтобы, как сказано в Притчах, *не уклониться ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4:27). Таково свойство наших немощей, и от сего столько труда доброму пастырю, обязанному хорошо знать души своих пасомых и быть вождем их по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно истинного нашего Пастыря.

35. Что же касается до самого раздаяния слова (скажу напоследок о том, что составляет первую нашу обязанность, и разумею слово Божественное и высокое, о котором ныне все любомудрствуют), то, ежели кто другой приступает к делу сему с дерзновением и почитает оное доступным для всякого ума, — я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию!) такого человека. Для меня кажется не простым и не малого духа требующим делом каждому *даяти во время житомерие* (Лк. 12:42) слова и с рассуждением вести Домостроительство истины наших догматов, то есть нашего любомудрого учения о мирах или мире, о веществе, о душе, об уме и умных существах, как добрых, так и злых, о Промысле, все связующем и распоряжающем всеми событиями, как согласными с разумом, так по видимому и противоречащими долнему — человеческому уму; **36.** также о первоначальном нашем устройении и о последнем воссоздании, о прообразованиях и истине, ими прообразуемой, о заветах, о первом и втором Христовом пришествии, о воплощении, страданиях и смерти Христовой, о воскресении, о кончине мира, о суде и воздаянии — и грозном, и славном, а что главное — о том, чему должно веровать — о начальной, царственной и блаженной Троице. В сем догмате для обязанных просвещать других всего опаснее, чтобы нам, из опасения многобожия заключив Божество в одну Ипостась, не оставить в учении своем одних голых имен, признав за одно Отца, и Сына, и Святого Духа, а также, через уклонение в противное

разделив Божество на трех или разнородных и друг другу чуждых, или неподчиненных и безначальных, так сказать, противоположных Богов, не впасть в равное первому зло, подобно тому, что бывает с кривым деревом, которое чрез меру гнут в противную сторону. 37. А как ныне в учении о Боге три недуга: безбожие, иудейство и многобожие, и из них защитником первого — ливийский Савеллий, второго — александрийский Арий, а третьего — некоторые из числа чрез меру у нас православных, то какое же мое учение? Избегая всего, что есть вредного в сих трех ложных учениях, держаться в пределах благочестия. И во-первых, не увлекаться в безбожие Савеллия, следуя его новому разложению и сложению, по которому либо утверждают не столько то, что *Ипостаси* суть одно, сколько то, что каждая — ничто (ибо выступающее из себя и переходящее взаимно друг в друга перестает уже быть тем, чем оно есть), либо воображают и составляют себе какого-то сложного и странного Бога, подобного баснословным животным. Во-вторых, не уклоняться в иудейскую скудость, рассекая естества с Ариевым, справедливо так называемым, умоиступлением, и не приписывать Божескому естеству зависти, ограничивая Божество одним Нерожденным, как бы из опасения, чтобы Бог не потерпел ущерба, будучи Отцом истинного и равночестного по естеству Бога. Наконец, не вводить избегнутого уже нами языческого многоначалия и трех начал как одного другому не противопоставлять, так и одного с другим не сопоставлять. 38. Не должно быть такими любителями Отца, чтобы даже отнимать у Него отечество; ибо чьим был бы Он Отцом, если бы Сын или наравне с тварью был отделен от Него и разъединен с Ним по естеству (потому что чуждое уже не Сын), или был смешан и слит с Отцом и, что то же значит, сливал Его с Собой? Не должно быть и такими любителями Христа, чтобы у Сына не оставлять даже сыновства (ибо чьим был бы Он Сыном, если бы не имел началом Отца), а у Отца не оставлять преимущества быть началом принадлежащего Ему как Отцу и Родителю. Ибо Отец был бы началом чего то низкого и недостойного или, вернее сказать, началом в низком и недостойном смысле, если бы не был началом Божества и благодати, созерцаемой в Сыне и в Духе Святом — в первом как в Сыне и в Слове, а в другом как в исходящем и неразрешаемом Духе. Необходимо нужно как соблюсти единство Божие, так и исповедовать три Ипостаси, притом каждую с личным Ее свойством.

39. Чтобы достаточно и соответственно достоинству предмета уразуметь и изложить сие, для того потребно слово более продолжительное, нежели каково настоящее время и, даже думаю, какова настоящая жизнь. Особенно же, как ныне, так и всегда, потребен для сего Дух, при одном содействии Которого и можно только о Боге и мыслить, и говорить, и слушать. Ибо к чистому должно прикасаться одно чистое и ему подобное. Теперь же кратко упомянул я о сем с той целью, чтобы видно было, как трудно беседующему о таких предметах, особенно в много-

численном собрании людей всякого возраста и разных способностей, которое, подобно многострунному органу, требует неодинаковых ударений, — трудно, говорю, найти слово, которое бы всех назидало и озаряло светом ведения. Трудно уже и потому, что как опасность с трех сторон, то есть от мысли, слова и слуха, то невозможно не преткнуться, если не во всем, по крайней мере в чем-либо одном. Ибо если ум не просвещен, или слово слабо, или слух не очищен и потому не вмещает слова, от одной из сих причин так же, как и от всех, необходимо храмлет истина. Но трудно еще и потому, что здесь обращается во вред и опасность то самое, что для обучающихся чему-либо другому соделывает учение весьма легким и удобоприемлемым, то есть заботливость слушателей о благочестии. 40. Ибо они, как вступающие в подвиг за учение о Боге — Существо Высочайшем и о своем спасении — первойшей для всех надежде, чем горячее в вере, тем с большим упорством внимают слову, почитая покорность оному не благочестием, но изменой истине, и скорее готовы отказаться от всего, нежели от своих мыслей, с которыми пришли, и от привычки к догматам, в которых воспитаны. И замечу еще, что это недуг людей более умеренных и не совершенно худых, которые, хотя погрешают против истины, однако же, как подвергающиеся сему из заботливости о благочестии и имеющие ревность, только не по разуму, может быть и не так строго будут осуждены, и не так много наказаны, как отпадающие от воли Господней по злонравию и лукавству. Даже они со временем могут еще переувериться и переменить по той же заботливости о благочестии, по которой они противились; ежели только коснется их слово и, как железо в кремень, или внутренне, или внешним образом произведет благовременный удар в их оплодотворенное уже и достойное света разумение, в котором от малой искры весьма скоро может воссиять светильник истины. 41. Но что сказать о людях, которые по тщеславию или любоначалию *неправду в высоту глаголют* (Пс. 72:8), с велеречием какого-нибудь Ианния или Иамврия вооружаются не против Моисея, но против истины и восстают против здравого учения? Что сказать о третьем роде людей, которые, по невежеству и следствию оного — дерзости, с жадностью, как свиньи, кидаются на всякое учение и попирают прекрасные бисеры истины? 42. Или о всех тех, которые не имеют у себя ни собственного мнения, ни какого-либо образца, худого или доброго, для учения о Боге, но готовы слушать всякое учение и всякого учителя, чтобы из всего выбрать лучшее и безопаснейшее, и такой выбор доверяют самим себе — худым судиям истины; а потом, переходя и возвращаясь от одной вероятности к другой, нагруженные и подавленные учениями всякого рода, переменяв многих учителей и многие писания разбросав легкомысленно, как пыль на ветер, когда утомится и слух и ум (какое безрассудство!), начинают оказывать одинаковое отвращение ко всякому учению и напечатлевают в себе гибельное правило — осмеивать и презирать самую веру

нашу, как нечто нетвердое и не имеющее в себе ничего здорового, делая невежественное заключение от учащих к учению, подобно такому человеку, который, имея расстроенные глаза или поврежденные уши, винит солнце или звуки — первое, что оно темно и не блещет, а последние, что они слабы и беззвучны? 43. Посему-то легче вновь напечатлеть истину в душе, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старым письменам, то есть после принятых худых правил и догматов, начертывать слово благочестия, в каком случае оно сливается и смешивается с первыми. Правда, что лучше идти по гладкой и битой дороге, нежели по шероховатой и не-протоптанной, и легче пахать землю, которую неоднократно резал и умягчал плуг, однако же лучше писать на душе, которую не изборозило еще негодное учение и на которой не врезались глубоко начертания порока. Иначе благочестивому краснописцу два будут дела — изгладить прежние изображения и на место их написать лучшие и достойные сохранения. Столько в нас от лукавого лукавых образов и начертаний относительно как к прочим видоизменениям (πάθη) души, так и к самому слову; и столько-то трудов для того, кому вверено сие детоводительство душ и попечение о них! Но еще большего не коснулось мое слово, чтобы не соделаться обширнее надлежащего.

44. Если бы кто захотел укротить и сделать ручным многовидного и многообразного зверя, составленного из многих, больших и малых, кротких и свирепых зверей, то, без сомнения, потребовалось бы много труда и усилий, чтобы управлять таким разных свойств чудовищным существом; потому что не все звери любят одинаковые звуки голоса, пищу, ласки, свист и другие способы хождения за ними; напротив того, для одних приятно и неприятно одно, а для других — другое, по природе и привычке каждого. Что же бы надлежало делать приставнику такого зверя? Конечно, то, чтобы, если хочет хорошо управиться со зверем и соблюсти его, — приобрести для сего многосторонние и разнообразные сведения и употреблять хождение, приличное каждому свойству зверя. Так, поелику общее тело Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается из многих и различных нравов и умов, то предстоятелю совершенно необходимо быть вместе как простым, относительно к правоте во всем, так, сколько можно более, многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно способным к полезной со всяким беседе. 45. Ибо одни, по способностям младенцы и, можно сказать, еще не окрепшие, требуют себе в пищу млека, то есть самых простых и первоначальных уроков, и не могут принимать словесной пищи, приличной мужу. А если бы кто предложил им такую не по силам пищу, то, вкусивши и обременившись (когда ум, как тело младенца, недостаточен еще к тому, чтобы переварить и усвоить себе принятое), они потерпели бы ущерб даже в прежней своей силе. Другие же, достаточно обучившие чувства к различению истинного и ложного, имеют нужду в премудрости, проповедуемой между

совершенными (1 Кор. 2:6), и в пище высшей и более твердой. А если бы стали напоевать их млеком и питать растениями — пищей слабых, то они совершенно по праву огорчились бы тем, что их не укрепляют по Христе, не дают им возрастать достойным похвалы возрастом, какое производится словом, которое хорошо питаемого им совершает в мужа и приводит в меру духовного возраста. 46. *И кто способен к сему* (2 Кор. 2:16)? Мы неспособны корчемствовать словом истины и мешать вино с водой, то есть учение, веселящее сердце человеческое, с учением пошлым, дешевым, влачимым по земле, пропадающим и текущим понапрасну, как делают многие. Они, чтобы от такого корчемства получить и себе прибыль, беседуют с проходящими о том и о другом, так и иначе, в угождение всякому, подобно каким-нибудь чревоущителям и суесловам, для собственной своей забавы употребляют слова, из земли изглашаемые и в землю уходящие, как будто тем более они прославляются в народе, чем больше вредят себе и губят себя, проливая кровь неповинную самых простых душ, которая будет взыскана от рук наших. 47. Напротив того, знаем, что лучше другим искуснейшим вручить бразды правления над собой, нежели быть несведущими правителями других, что лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный язык. Посоветовавшись о сем с самим собой (может быть, и не худым советником, а если и не так, то, по крайней мере, доброжелательным), я рассудил, что незнающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно делать, лучше учиться, нежели, не зная, учить. Ибо счастлив тот, до кого хотя в глубокой старости достигнет старческое слово, которое может принести пользу душе, еще юной по благочестию. А посему брать на себя труд учить других, пока сам еще не научился достаточно, и, по пословице, на большом глиняном сосуде учиться делать горшки, то есть над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям крайне неразумным и дерзким, неблагоприятным, если они не чувствуют своего невежества, дерзким, если, сознавая оное, отваживаются на дело.

48. Мудрейшие из евреев говорят, что у них в древности был один особенно прекрасный и похвальный закон, которым не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писания. Ибо чтение сие не было бы и полезно; потому что не всякая книга всякому с первого начала разумительна, а заключающая в себе более глубокий смысл даже может многим, по своему внешнему смыслу, обратиться в большой вред. Напротив того, книги, которые и по внешнему смыслу назидательны, были с самого начала открыты всякому и находились в общем употреблении; а книги, которые под неважной оболочкой сокрывают таинственную красоту — награду усильных исканий и светлой жизни, — просиявающую и удобосозерцаемую только для имеющих очищенный ум, доверяемы были уже переступившим двадцатипятилетний возраст; потому что в сем только возрасте человек может стать выше чувственного и

с успехом восходит от письмени к духу. 49. Но у нас между временем, когда учить и когда учиться, нет никакого предела, подобного камням, поставленным древле между коленами за Иорданом и коленами по другую сторону Иордана. У нас не дано дозволений одним на то, другим на другое и не положено никакого правила касательно способностей; напротив того, все сие оставлено без внимания и слито. И мы так худо поступаем, что большая часть из нас (чтоб не сказать: все) почти прежде, чем острижем у себя первые волосы и оставим детский лепет, прежде, нежели войдем во дворы Божии, узнаем наименования священных книг, научимся распознавать письмена и писателей Ветхого и Нового Завета (не говорю: прежде, нежели омоем душевную нечистоту и гнусность, какими покрыл нас грех), если только затвердим два или три слова о благочестии, и то понаслышке, а не из книги, если хотя мало ознакомимся с Давидом, если умеем ловко надеть плащ или до пояса походить на философа (о, чудное председательство и велемудрие! конечно, Самуил священ и в пеленах!) — мы уже и мудры, и учителя, и высоки в Божественном, первые из книжников и законников, сами себя посвящаем в небесные, желаем *зватися от человек: учителю* (Мф. 23:7), нимало не смотрим на букву, все хотим разуметь духовно (сколько грез! какое обширное поле пустословию!); и мы стали бы негодовать, если бы нас не очень хвалили. Таковы те из нас, которые еще скромнее и проще других; каковы же более духовные и благороднейшие? Они, если заблагорассудится им, подвергнув нас многим осуждениям и испытаниям и поставив ни во что, удаляются от нас, с презрением даже к сообществу с нами, как с людьми неблагочестивыми. 50. Но если, обратясь к кому из них, спокойно и в логическом порядке спросим так: «Скажи мне, дивный муж, ты считаешь за что-нибудь пляску и игру на свирели?» — ответят, может быть: «Конечно, считаем». — «А также считаешь за что-нибудь мудрость и быть мудрым, то есть, как мы полагаем, иметь ведение о Божественном и человеческом?» И в сем уступят нам. «Что же назовешь лучшим и высшим? Пляска ли и игра выше мудрости или мудрость несравненно выше сих искусств?» Очень знаю, они будут столько добросовестны, что даже скажут: «Мудрость выше и всех искусств». Но для пляски и игры на свирели есть науки, и им учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилия, иногда надобно тратить деньги, приискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальние путешествия, а также делать и терпеть все, чем приобретается опытность. А мудрость, которая все превосходит и заключает в себе все блага в совокупности (так что Самому Богу, хотя Он имеет многие наименования, угоднее именоваться Премудростью, нежели другим каким именем), неужели почтем для себя столь легким и незатруднительным делом, что всякому стоит только захотеть, и будет мудрым? Большое невежество так думать! Но если мы (или кто другой) учнее и умнее нас) начнем говорить с ними таким образом, чтобы

понемногу рассеять их заблуждение, то все сие будет то же, что и сеять на камне или говорить в уши глухому. Так мало в них мудрости даже на то, чтобы сознать свое невежество. И мне кажется, прилично сказать о них Соломоново слово: *есть лукавство, еже видех под солнцем, мужа нещевавша себе мудра быти* (Еккл. 10:5; Притч. 26:12), и, что еще хуже, получившего право учить других, когда не чувствует собственного невежества. 51. Если какой недуг, то сей именно достоин слез и рыдания. И я неоднократно жалел о сем, очень зная, что самомнение отнимает у человека большую часть того, чем он есть, и что тщеславие бывает для людей величайшим препятствием к добродетели. А уврачевать и остановить болезнь могут разве Петр или Павел — великие ученики Христовы, которые со властью управлять словом и делом получили дар благодати и были всем для всех, да всех приобрящут. Для нас же, прочих людей, не маловажно, если будем хорошо управляемы и руководимы теми, кому вверено исправление таких дел и распоряжение ими.

52. Но поелику упомянул я о Павле и о подобных ему, то, если угодно, оставив всех прочих, кто только сделался знаменитым — или как законодатель, или как пророк, или как военачальник, или как заведовавший другой какой-нибудь частью общественного благоустройства, не говоря, например, о Моисее, Аароне, Иисусе Навине, Илии, Елисее, судиях, Самуиле, Давиде, о всем сонме пророков, об Иоанне, о двенадцати учениках и их преемниках, из которых каждый со многими трудами и усилиями проходил в свое время звание начальника, — умолчав о всех них, одного Павла представлю свидетелем моего слова, чтобы из его примера видеть, что значит иметь попечение о душах и кратковременных ли занятий, малых ли требует сие сведений! А чтобы удобнее сие узнать и понять, послушаем, что говорит о Павле сам Павел.

53. Не буду говорить об его трудах, бдениях, страхах, злостраданиях от голода, жажды, холода и наготы, о злоумышлениях против него неверных, о противодействиях ему верных. Умалчиваю о гонениях, сонмищах, темницах, узах, обвинителях, судилищах, ежедневных и ежечасных смертях, о кошнице, о метаниях камнями, о биениях палками, о странствовании, об опасностях и на суше, и на море, и во глубине морской, о кораблекрушениях, об опасностях на реках, об опасностях от разбойников, от сродников, об опасностях между лжебратии, о пропитании трудами рук своих, о бескорыстном благовествовании, о том, как Павел был позорищем для Ангелов и человеков, когда, стоя между Богом и человеками, за человеков подвизался и к Богу приводил и присоединял народ избранный. 54. Кроме сих внешних подвигов, кто достоюльным образом опишет ежедневную его попечительность, сердоболие о каждом, заботливость о всех церквах, ко всем сострадательность и братолюбие? Претыкался ли кто, и Павел чувствовал немощь. Другой соблазнялся, а Павел приходил в воспламенение. А его неутомимость в учении, разнообразие способов врачевания — то чело-

веколюбие, то опять строгость, то смешение и растворение и человеколюбия и строгости, так что ни кротостью не расслабляет, ни суровостью не ожесточает! Он излагает законы рабам и господам, начальникам и подчиненным, мужам и женам, родителям и детям, супружеству и безбрачию, воздержанию и роскоши, мудрости и невежеству, обрезанию и необрезанию, Христу¹ и миру, плоти и духу. За одних благодарит, других укоряет; одних именует своею радостью и венцом, других обличает в безумии. Кто ходит право, тем сопутствует и соусердствует; а кто ходит лукаво, тех останавливает. Он то отлучает, то утверждает любовь (2 Кор. 2:8); то плачет, то веселится; то напоевает млеком, то касается тайн; то снисходит, то ведет с собой на высоту; то угрожает палицей (1 Кор. 4:21), то объемлет духом кротости; то возносится с высокими, то смиряется с смиренными. Иногда он меньший из апостолов, а иногда обещает представить доказательство, что в нем глаголет Христос. Иногда желает отыти и *жрен бывает* (2 Тим. 4:6), иногда признает более нужным для верующих пребывать ему во плоти. Ибо ищет не собственной пользы, но пользы чад, которых родил во Христе благовествованием; такова цель и всякого духовного начальства — во всем презирать свое для пользы других! 55. Павел хвалится немощами и скорбями; как бы некоторым убранством, украшается мертвостью Иисусовой; он высок и по плоти, но радуется о духовных дарах; он не невежда в познании, хотя говорит о себе, что видит сквозь тусклое стекло и гадательно. Бодр духом и изнуряет тело, истощая его, как противника; а вместе не научает ли и не вразумляет ли тем и нас не превозноситься земным, не надмеваться ведением, не восставлять плоти против духа? Он за всех ратоборствует, за всех молится, о всех ревнует, за всех воспаляется — и за тех, которые вне закона, и за тех, которые под законом; он проповедник язычников, предстатель иудеев. Он дерзал и на нечто большее за братьев своих по плоти (о, если бы и мне, говорящему сие, дерзнуть на нечто подобное!). Павел молит, по любви своей к братьям, чтобы они вместо него приведены были ко Христу. Какое величие души, какая горячность духа! Он подражает Христу, бывшему за нас клятвой, принявшему на Себя наши немощи, понесшему наши болезни, или, скажу скромнее, он первый после Христа не отрекается страдать за иудеев, и притом как нечестивый, только бы они спаслись. Но к чему перечисляю подробности? 56. Живя не для себя, но для Христа и для проповеди, распяв себе мир и распявшись миру и всему видимому, Павел все почитает маловажным и низким для своего желания, хотя *от Иерусалима и окрест даже до Илирика исполнит благовествование* (Рим. 15:19), хотя восхищен будет до третьего неба, соделается зрителем рая и слышателем неизглаголаных для нас глаголов.

Таков Павел, таков всякий подобный ему духом! Но мы боимся, чтобы в сравнении с ними не быть *юродивыми князьями Танесовыми*

¹ Живущим по Христу.

(Ис. 19:11), или приставниками пожинающими, или ложно ублажающими народ, прибавлю даже, ублажаемыми, и стези ног ваших возмущающими (Ис. 3:12), или ругателями господствующими, или начальниками юными, несовершенными умом и не имеющими столько пищи и одеяния, чтобы предводительствовать каким ни есть числом людей (3:4–7), или пророками, учащими беззаконная (9:15), или князьями не покоряющимися (1:23), которые вместе с отеческими постановлениями достойны злоречия по жестокости голода (8:21), или священниками, весьма далекими от того, чтобы глаголати в сердце Иерусалиму (40:2), так как за все сие сильно порицает и обличает очищенный Серафимом и углем Исаия. 57. Итак, неужели, хотя дело сие так важно и так многотрудно для сердца чувствительного и скорбного, хотя оно действительная моль костем (Притч. 14:30), даже для человека с умом, однако опасность не велика и последствия не заслуживают внимания?

Но на меня наводят великий страх, с одной стороны, блаженный Осия, когда говорит, что нас, священников и начальников, ожидает суд, яко пруголо¹ быхом на страже, и якоже мрежа распростерта на Итавирии (Ос. 5:1), воткнутая ловцами душ человеческих, и угрожает пожать непотребных пророков (5:6), истребить огнем судей их (7:7), удержаться на время, еже помазати царя и князя (8:10), потому что они царствовали сами собой, а не Богом (8:4); 58. а с другой стороны, божественный Михей, который не терпит, чтобы Сион созидаем был кровью, чьими бы то ни было, и Иерусалим неправдами, чтобы старейшины его на дарех судили, жерцы на мзде отвещавали, и пророцы на серебре волвовали (Мих. 3:10, 11). И чем угрожает за сие? Сион яко нива изорется, Иерусалим яко овощное хранилище будет, и гора дому якоже луг дубравный вменится (3:12). Оплакивая же такое оскудение добрых правителей, что едва остается где колос или стебель, когда и князь просит, и судия говорит из угождения, и восклицая почти следующими словами великого Давида: спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный (Пс. 11:1), — пророк возвещает, что за сие оскудеют у них блага, как бы поядаемые молю (Мих. 7:4). 59. А Иоиль заповедует нам плач; он хочет, чтобы служащие жертвеннику бились (Иоил. 1:13) в тяжкое время голода; он вовсе далек от того, чтобы дозволить нам роскошь среди бедствия других, не только повелевает освятить пост, проповедать цельбу, собрать старцев и младенцев (2:15, 16) — сии жалкие возрасты, но требует, чтобы священники шли в храм в пепле и вретисах, с глубоким смирением поверглись на землю, яко опустеша поля (1:10) от бесплодия, извержеся жертва и возлияние из дому Господня (1:9), и таким уничижением привлекли милость. 60. А что скажет Аввакум? Его речь пламеннее, он с негодованием обращается к Самому Богу и как бы вопиет на Владыку Христа за неправду судей, говоря: Доколе, Господи, воззову, и не услышиши? возопию к Тебе обидимь, и не избавиши? Вскую мне показал еси

¹ Петля.

труды и болезни, смотриши страсть и нечестие? противу мне бысть суд, и судия вземлет. Сего ради разорися закон, и не производится в совершение суд (Авв. 1:2–4). За сим у пророка угроза и следующие слова: *видите презорливиши, и смотрите, и чудитесь чудесем, и исчезните: понеже дело Аз делаю* (1:5). Но нужно ли приводить все слова угрозы? Напротив того, по моему мнению, лучше присовокупить к сказанному, как Аввакум, вызвав сперва на среду и оплакав многих учинивших что-либо несправедливое и худое, вызывает, наконец, начальников и учителей злонравия, называя порок *развращением* мутным, опьянением и заблуждением ума, и говорит, что чрез них напоеваются сим ближние, *яко да взирают* ко тьме душ своих и *пещерам гадов и зверей* (2:15), то есть обиталищам худых помыслов.

Таковы исчисленные мною пророки, и такие они предлагают нам наставления. 61. Но справедливо ли будет оставить без внимания Малахию, который в одном месте жестоко обвиняет и укоряет священников, что *презирают имя* Господне (Мал. 1:6), и между прочим присовокупляет, что *приносят ко олтареву хлебы скверны* (1:7), брашна не из начатков, что каких даров не принесли бы ни одному из начальников или, какие принесши, себя бы обесславили, такие дары, то есть хромое, недужное, растленное и вовсе нечистое и презренное, приносят Царю всяческих, когда обещают обеты; а в другом месте напоминает завет Божий с левитами — *завет жизни и мира, завет боязнию бояться* Господа и от лица имене *Его устрашатися* (2:5). *Закон истины*, говорит пророк о левите, *бе во устех его, и неправда не обретется во устнах его: в мире исправляя иде со Мною, и многи обрати от неправды. Понеже устне иереовы сохраняют разум, и закона възвщут от уст его*. И какая высокая, а вместе и страшная тому причина! *Яко Ангел Господа Вседержителя есть* (2:7). Отказываюсь повторять то, что есть укоризненного в следующих за сим клятвах; я страшусь истины, но приведу, что легче выговорить, а вместе и полезно. Пророк, как бы с особенным негодованием и отвергая их священнодействия по причине их развращения, говорит: *еще ли достойно призрети на жертву вашу, или прияти приятно из рук ваших* (2:13)?

62. Как скоро вспоминаю о Захарии, трепещу его серпа, а равно и всего, что свидетельствует он против священников. Но что открывает он о знаменитом Иисусе, великом иерее, которого, изобразив сперва облеченным в ризу гнусную и неприличную, облакает потом в ризу священническую и светлую, а также и то, что говорящим и заповедающим Иисусу представлен у него Ангел, — да почтено будет молчанием, как важнейшее и, может быть, столько высокое, что должно быть относимо не ко многим священникам. Впрочем, то обстоятельство, что и *одесную* сего Иисуса *стояше диавол, еже противитися ему* (Зах. 3:1), по моему мнению, не маловажно и должно внушать немалый страх и осторожность. 63. У кого же будет столько дерзости и такое адамантовое сердце, чтобы, слыша, как пророк с настойчивостью обличает и укоря-

ет других пастырей, не вострепетать и не смириться в себе самом? *Глас плачущих пастырей, яко возбедствова величие их*, говорит он; *глас рыкающих львов* (Зах. 11:3), потому что они столько пострадали. Захария почти слышит самые рыдания, как бы уже настоящие, и плачет вместе с бедствующими. А через несколько слов говорит еще разительнее и сильнее: *пасите овцы заколения, яже стяжавшие закалаху, и не раскаивахуся, и продающии я глаголаху: благословен Господь, и обогатихомся, и пастыри их не печахуся ничимже о них. Сего ради не пощажду ктому на живущих на земли, глаголет Господь Вседержитель* (11:4–6). И еще, простирая угрозы вместе и на начальников народа, говорит: *мечу, востани на пастырей: поразите пастырей, и расточатся овцы: наведу руку Мою на пастырей* (13:7); *на пастырей прогнеvasя ярость Моя, и на агнцы посещу* (10:3). С такой ревностью продолжает он речь и не может удержаться от угроз; почему и опасаясь, чтобы, повторяя их по порядку, и мне не возбудить против себя ненависти.

Но так говорит Захария; 64. о старцах же, упоминаемых у Даниила умолчим, ибо хотелось бы умолчать. Умолчим и о том, что справедливо сказано и засвидетельствовано о них Владыкой: *яко изыде беззаконие из Вавилона от старец судей, иже мняхуся управляти людей* (Дан. 13:5). Как без страха выслушаем Иезекииля, сего зрителя и истолкователя великих тайн и видений? Как выслушаем заповедуемое им *стражам* — *не молчать* о беззаконии, и о *грядущем на него мече* (Иез. 33:6), потому что сие не принесет пользы ни им, ни согрешающим; напротив того, предусмотреть и предвестить полезно или тем и другим, когда одни скажут, а другие выслушают, или, без всякого сомнения, возвестившим? 65. Как примем и другое его нападение на пастырей то в следующих словах: *горе на горе будет, и весть на весть, и не будет видение от пророка, и закон погибнет от жерца, и совет от старец* (7:26), то еще в следующих: *Сыне человек, рцы ему: ты еси земля неодождимая, ниже дождь бысть на тя в день ярости. Егоже старейшины среде его, яко львы рыкающе, восхищающе хищения, души изъядающе насилием* (22:24, 25), и через несколько слов: *жерцы его отвергошася закона Моего, и оскверниша святая Моя, между святым и сквернавым не разлучаху, но все для них было одинаково, и от суббот Моих покрываху очи свои, и оскверняху Мя посреде себе* (22:26)? Пророк угрожает разрушить *стену и помазующих ю* (13:15), то есть и тех, которые грешат, и тех, которые прикрывают грехи, что делают худые правители и священники, обольщающие дом Израилев, по внушению сердец своих, преданных похотям своим. 66. Умолчу, что говорит он о тех, которые *пасут самих себя, млеко ядят, волною одеваются, и тучное закаляют, а овец не пасут, изнемогшаго не подъемлют, сокрушеннаго не обвязывают, заблуждающаго не обращают, погибшаго не взыскуют, и крепкаго не берегают, но оскорбляют трудом* и стараются погубить; от сего овцы рассыпались по всем полям и горам, *понеже не имеяху пастырей*, и соделались добычей

всякой птицы и всякого зверя, *яко не бе взыскающего, ни обращающего* (34:2–6). Что же потом? Сказано: *живу Аз, глаголет Господь, понеже так делалось и учинена суть стада Моя в расхищение* (34:8): *се Аз на пастыри, и възыщу овец Моих от рук их* (34:10); овец соберу и соблюду, а пастыри понесут различные наказания, каких стоят худые пастыри.

67. Но чтобы не продлить слова, перечисляя всех пророков и все, что сказано у каждого, прейду молчанием прочих, а упомяну только об одном, который *познан* еще до рождения и *освящен* в утробе матерней (Иер. 1:5), — это Иеремия. Он просит *главе воду и очесем источник слез*, чтобы оплакать как должно Израиля (9:1). А не менее того оплакивает он злонравие предстоятелей. 68. Бог в обличение священников говорит ему: *священницы не рекоша, где есть Господь, и держащии закон не ведеша Мя, и пастыри нечествоваша* (2:8). А потом говорит сам пророк: *обуяша пастыри, и Господа не взыскаша: сего ради не уразуме все стадо, и расточено бысть* (10:21). *Пастырие мнози растлиша виноград Мой, оставиша часть Мою, часть желаемую даша в пустыню непроходную* (12:10). После сего снова обращает укоризну на самих пастырей: *горе пастырем, иже погубляют и расточают овцы паствы Моея. Сего ради сия рече Господь к пасущим людей Моих: вы расточили есте овцы Моя, и отвергосте я, и не посетисте их, и Аз посещу на вас по лукавству умыслений ваших* (23:1, 2). Иеремия хочет, чтобы *воскликнули пастухи и восплакали овни овчии, яко исполнишася дние их на заколение* (25:34).

69. Но для чего повторять мне ветхозаветное? Кто, поверив сам себя по правилам и определениям, какие Павел постановил для епископов и пресвитеров, а именно: *быть трезвыми, целомудренными, не пияницами, не бийцами, назидательными*, во всем неукоризненными и неприкосновенными ни к чему худому (1 Тим. 3:2, 3), — кто, говоря, не найдет себя много уклонившимся от правоты правил? А какие законы дает Иисус ученикам, посылая их на проповедь? Существенное в них, не говоря о подробностях, состоит в том, чтобы ученики таковы были по добродетели, так благоустроены и ответственны своему званию и, если должно выразиться короче, столько небесны, что благовествование не менее бы распространялось посредством их жизни, как и посредством слова. 70. Но меня приводят в страх и укоряемые фарисеи, и обличаемые книжники. Мы, если желаем Небесного Царства, по заповеди обязаны много превосходить их в добродетели; а потому нам будет стыдно пред ними, если окажемся хуже их по своим порокам и услышим справедливые себе укоризны: змии, порождения ехиднины, вожди слепые, отцеживающие комара и поглощающие верблюда, гробы, внутри полные скверны, а извне благоукрашенные, по одной внешности чистые блюда — и другие подобные наименования, какие заслужили и получили фарисеи и книжники (Мф. 23:24–33). 71. Такие мысли не оставляют меня день и ночь, сушат во мне мозг, истощают плоть, лишают бодрости, не позволяют ходить с подъятыми высоко

взорами. Сие смиряет мое сердце, сокращает ум, налагает узы на язык и заставляет думать не о начальстве, не об исправлении и назидании других (что требует избытка дарований), но о том, как самому избежать грядущего гнева и сколько-нибудь стереть с себя ржавчину пороков. Надобно прежде самому очиститься, потом уже очищать; умудриться, потом умудрять; стать светом, потом просвещать; приблизиться к Богу, потом приводить к Нему других; освятиться, потом освящать. Руководителю необходимы руки; советнику потребно благоразумие.

72. Когда же сие будет? — скажут скорые на все и ни в чем не твердые, легко созидающие и разрушающие. Когда светильник поставится на свечнице и на что употребится талант, то есть дар? — скажут ревностнейшие к дружбе, нежели к делу благочестия. Когда сие будет и какой дам на сие ответ вам, преименитые? В таком деле и глубокая старость — недолговременная отсрочка. Ибо седина с благоразумием лучше неопытной юности, рассудительная медлительность — неосмотрительной поспешности, кратковременное царствование — продолжительного мучительства, подобно как малая доля драгоценности предпочтительней обладания многим не имеющим цены и прочности, небольшое количество золота — многих талантов свинца, малый свет — великой тьмы. 73. А что касается до сей поспешности, поползновенности и излишней ревности — опасно, чтобы они не уподобились или тем семенам, которые пали на камни и, будучи неглубоко в земле, тотчас взошли, но не могли вынести первого солнечного зноя, или тому основанию, положенному на песке, которое не устояло при небольшом дожде и ветре. *Горе тебе, граде, в нем же царь твой юн*, говорит Соломон (Еккл. 10:16). *Не будь скор в словесех* (Притч. 29:30) — слова того же Соломона, который говорит о скорости в словах, то есть о чем-то меньшем, нежели опрометчивость в делах. Кто же вопреки сему потребует поспешности предпочтительно безопасности и пользе? Кто возьмется, как глиняное какое-нибудь изделие, изготовляемое в один день, образовать защитника истины, который должен стоять с Ангелами, славословить с Архангелами, возносить жертвы на горный жертвенник, священнодействовать со Христом, воссозидать создание, восстанавливать образ Божий, творить для горнего мира и, скажу более, быть богом и творить богами? 74. Знаю, чьи мы служители, где сами поставлены и куда готовим других. Знаю величие Божие и человеческую немощь, а вместе и силу. *Небо высоко, земля же глубока* (Притч. 25:3). И кто из низложенных грехом взойдет на небо? Кто, обложенный еще дольным мраком и грубой плотью, может целым умом ясно созерцать всецелый Ум, находясь среди непостоянного и видимого, вступить в общение с постоянным и невидимым? Даже из самых очищенных едва ли кто может видеть здесь хотя такой образ доброты, каково изображение солнца в водах. *Кто измери горстию воду, и небо пядию, и всю землю горстию, кто постави горы в мериле и холми в весе* (Ис. 40:12)? *Кое*

место покоища Его (Ис. 66:1) и чему из всего Он уподобится? **75.** Кто сотворивший все словом, устроивший человека премудростью, соединивший разлученное, сочетававший персть с духом, сложивший живое существо — видимое и невидимое, временное и вечное, земное и небесное, касающееся Бога, но не постигающее, приближающееся и далеко отстоящее? *Рех: умудрюся*, говорит Соломон, *и сия*, то есть мудрость, *удалися от мене. Далече паче неже бе* (Еккл. 7:24, 25). И действительно, *приложивый разум приложит болезнь* (Еккл. 1:18). Он не столько радуется о найденном, сколько скорбит о непостигнутом, как обыкновенно (представляю себе) случается с людьми, которых отвлекают от воды, прежде нежели они утолили жажду, или которые, надеясь что получить, не могут схватить того руками, или от которых мгновенно скрывается озарявшее их блистание света.

76. Сие удержало меня долу, соделало смиренным и убедило в том, что лучше слышать глас похвалы, нежели быть истолкователем того, что превышает силы. Величие, высота, достоинство, чистые существа, с трудом вмещающие сияние Бога, Которого покрывает бездна, Которого, как чистейший и для большей части тварей неприступный свет, утаивает тьма, Который во всем и вне всего, Который есть всякая доброта и выше всякой доброты, Который просвещает ум и убегает от быстроты и выпренности ума, столько всегда удаляясь, сколько постигается, и возлюбленного Своего возводя горе тем, что убегает и как бы вырывается из рук: **77.** таков и так важен предмет наших желаний и исканий! Таков должен быть невестоводитель, уневещивающий души. И боюсь, чтобы, связав мне руки и ноги, не извергли меня из брачного чертога, как не имеющего на себе брачного одеяния и нагло вторгшегося в круг возлежащих там, хотя и призван я от юности, даже (скажу неизвестное еще многим) к *Нему привержен есмь от ложесн* (Пс. 21:11), Ему принесен в дар по матернему обету, а потом и сам, когда опасности укрепили, любовь возросла и помог рассудок, Восприявшему и Спасшему меня добровольно отдал все — и имение, и знатность, и здоровье, и самый дар слова. Из всего этого извлек я ту одну пользу, что презрел сие, и нашлось у меня, чему предпочесть Христа. Слова Божии соделались для меня сладки, как соты меда; *я призвал разум и дал глас свой* мудрости (Притч. 2:3), учился умерять гнев, обуздывать язык, уцеломудривать око, укрощать чрево, попираť земную славу, и в этом (безрассудно говорить, однако же пусть будет сказано) стал я не хуже, может быть, многих. **78.** Вести же такую любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управление душами и, когда еще сам не научился быть хорошим пасомым, не очистил как должно, душу свою, обязатьсь должностью править паствою; притом в такие времена, когда, смотря на людское крушение и мятежи, всего вожделеннее — бегом бежать из общества, удалиться в надежный приют, укрыться от бури и тьмы лукавого; когда члены одного тела взаимно враждуют, когда исчезает

последний остаток любви, а с другой стороны слово «иерей», потому что, по Писанию, *излияся уничижение на князи* (Пс. 16:40), признается одним пустым именем, — 79. и лучше, если бы оно было одно пустое имя. Ныне же (да обратится хула на главы нечестивых!) изгнан из сердца всякий страх и его место заступило бесстыдство; кто бы ни пожелал, для всякого отверсты и знание, и глубины Духа. Все мы благочестивы единственно потому, что осуждаем нечестие других, а суд предоставляем людям безбожным, повергаем святая псам, бросаем бисеры пред свиньями, разглашая Божественное тем, у кого не освящены и слух и сердце. Мы сами (о жалкие!) тщательно выполняем желания врагов и не стыдимся любодействовать *в начинаниях* (Пс. 109:5) своих. Моавитяне и аммонитяне, которым не дозволено входить в Церковь Господню, у нас свободно ходят в самом святилище. Для всех отверзли мы не врата правды, но двери злословия и наглости друг против друга. У нас не тот совершеннее, кто из страха Божия не произносит праздного слова, но тот, кто как можно больше злословит ближнего, или прямо, или намеками, *нося под языком своим труд и болезнь* (Пс. 9:28) или, говоря ближе, *яд аспидов* (Пс. 139:3). 80. Мы ловим грехи друг друга не для того, чтобы оплакивать их, но чтобы пересудить, не для того, чтобы уврачевать, но чтобы еще уязвить и раны ближнего иметь оправданием собственных своих недостатков. У нас признаком добрых и злых не жизнь, но дружба и несогласие с нами. Что ныне хвалим, то завтра оуждаем; что другие порицают, тому дивимся; охотно поблажаем во всем нечестию, — столько мы великодушны к пороку! 81. Все стало как в начале, когда еще не было ни мира, ни теперешнего благоустройства и благообразия, а, напротив того, все вещи, будучи слиты и в беспорядке, имели еще нужду в образующей деснице и силе. А если угодно другое сравнение, то как во время ночной битвы, при тусклом свете луны, не различая в лицо врагов и своих, или как на морском сражении и во время бури, оглушаемые порывами ветров, кипением моря, напором волн, столкновением кораблей, ударами весел, криками начальников, стонами пораженных, в недоумении, не имея времени собраться с мужеством, мы (к довершению бедствия) нападаем друг на друга и друг от друга гибнем. И не мирянин только поступает так, священник же иначе. Напротив того, мне кажется, что ныне явно исполняется изреченное древле в проклятии: *якоже людие, тако и жреци* (Ос. 4:9). 82. Не один простой народ таков, а сильные, как говорится, в народе и начальники инаковы. Напротив того, они-то и ведут открытую войну со священниками, в предлог к убеждению обращая благочестие.

С кем бывает сие потому, что он стоит за веру, за самые высокие и первые истины, того не порицаю и, если сказать правду, того хвалю и сорадуюсь с ним. Я желал бы и сам быть в числе подвигающихся и ненавидимых за истину, даже похвалюсь, что действительно принадлежу к сему числу. Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающего с Богом.

По сему и Дух вооружает кроткого воина (Иоил. 3:11), как способного хорошо вести войну. 83. Но ныне есть люди, которые с крайним невежеством и с наглостью сами стоят за малости и вовсе не полезные вещи и всякого, кого только могут, принимают в сообщники зла, а все сие прикрывают верой и сие достоуважаемое имя безрассудно употребляют в своих состязаниях. От сего, как и естественно, мы ненавидимы язычниками и, что всего несноснее, не можем даже сказать, что ненавидимы несправедливо. И из своих оуждают нас самые благонамеренные; нимало же не удивительно, что оуждает народ, который редко одобряет что-либо и доброе. 84. *На хребтах наших делают грешники* (Пс. 128:3), и что умышляем друг против друга, то обращают против всех. Мы соделались новым позором, но не для Ангелов и человеков, как мужественнейший из подвижников Павел, ратоборствовавший против начал и властей, но почти для всех ведущих худую жизнь, и во всякое время, и на всяком месте — на торжищах, на нетрезвых пиршествах, среди веселостей, среди сетований. Мы выведены даже и на зрелища народные (едва не со слезами говорю сие), нас осмеивают наряду с самыми развратными людьми, и ничто так не усладительно для слуха и зрения, как христианин, поруганный на зрелище. 85. До сего довели нас наши междуособия; до сего довели нас те, которые чрез меру подвизаются за Благого и Кроткого, которые любят Бога больше, нежели сколько требуется. В борьбе или в другом чем не позволено состязаться неустановленным порядком, и тот подвергается осмеянию и бесчестью, даже лишается прав победы, кто борется не по правилам или в другом чем состязается не в порядке и отступает от положенных для сего уставов, хотя бы он был самый мужественный и искусный. Неужели же подвизающийся за Христа не по Христе угодит тем *Миру* (Еф. 2:14), ратоборствуя за Него недозволенным образом? 86. И донныне еще трепещут демоны при имени Христовом; сила сего имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово и Самого Христа, не стыдимся слышать, как Он почти вслух и ежедневно вопиет: *имя Мое хулится вас ради во языцех* (Ис. 52:5). 87. Не боюсь я внешней брани и восстающего ныне на Церкви зверя — сей полноты лукавого¹, хотя бы грозил он огнем, мечом, зверями, стремнинами, пропастями, хотя бы превзошел бесчеловечием всех когда-либо неистовствовавших, изобрел мучительнейшие известных доселе казни. На все есть у меня одно врачество, один путь к победе, и это — похваюсь во Христе! — смерть за Христа. 88. Но что касается до предстоящей мне брани, не знаю, что мне делать, какой искать помощи, какого слова мудрости, какого дара благодати, в какое облечься всеоружие против козней лукавого. Кто победит сего врага? Моисей ли, распростирающий руки на горе, чтобы превозмог прообразуемый и прознаменуемый крест? Или после него Иисус, на брань ополчающийся с архистратигом небесных воинств? Или Давид,

¹ Юлиана отступника.

то псалмопевствующий, то сражающийся пращами и от Бога препоясуемый силой на брань или имеющий персты, Богом обученные на брань? Или Самуил, то приносящий молитвы и жертвы за народ, то помазующий на царство могущего побеждать? 89. Кто оплачет сие как должно? Иеремия ли, написавший плач об Израиле? Кто воззовет: *пощади люди Твоя, и не даждь достояния Твоего в укоризну, да не обладают ими языцы* (Иоил. 2:17)? Кто будет молиться о нас — Ной ли, Иов и Даниил, вместе молящиеся и вместе упоминаемые (Иез. 14:14), да утишится у нас хотя несколько брань, да придем сами в себя, станем, наконец, узнавать друг друга, да не будем, вместо одного Израиля, и Иудой и Израилем, Ровоамом и Иеровоамом, Иерусалимом и Самарией — сими городами, то предаваемыми за грехи, то оплакиваемыми?

90. Признаюсь, что я немощен для такой брани, а потому и обратил хребет, сокрыл лицо в бегстве. От полноты огорчения возжелал я сидеть в уединении и молчать, зная, что время лукаво, что отвернулись возлюбленные и соделались сынами отступными мы — виноград благоветвистый, виноград истинный, плодоносный, прекрасный, возращенный орошением свыше, и что для меня обратились в бесчестие диадема доброты моей, печать славы и венец похваления. Но если кто при всем этом смел и мужествен, то ублажаю его за смелость и мужество.

91. Не говорю еще о брани внутренней, которая в нас самих, в наших страстях и которую воздвигают на нас, день и ночь, то явно, то тайно, сие тело смирения и рассеянность жизни, мятущая и волнующая нас посредством чувственности и временных удовольствий, и грязь персти, с которой мы смешаны, и закон греховный, воюющий против закона духовного и усиливающийся растлить в нас царский образ и все, что с ним вложено в нас божественного по происхождению. Почему едва ли кто в состоянии преодолеть влекущее долу естество, разве уже обучил себя долговременным любомудрием и постепенно отторгал от низкого и сопряженного со тьмой, что есть в душе благородного и световидного, или удостоился милости Божией, или сверх того и другого прилагал всевозможное старание вознести взор свой горе. Но пока не препобеждена мной, по возможности, персть, пока не очищен ум, пока далеко не превосхожу других близостью к Богу — небезопасным признаю принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и человеками, что составляет также долг иерея.

92. И чем же приведен я в такой страх? Не почтите меня боязливым сверх меры; напротив того, похвалите даже мою предусмотрительность. О самом Моисее слышу, что когда беседовал с ним Бог, хотя многие призваны на гору, и в числе их Аарон с двумя сынами священниками, и семьдесят старейшин — народоправителей, однако же повелено было, чтобы прочие поклонились издалеча, а к Богу приступил один Моисей; народу же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24:1, 2); потому что не всякий может приближаться к Богу, но только кто, подобно Моисею,

способен вместить славу Божию. Да еще и прежде, при самом начале законодательства, трубы, молнии, громы, мрак, гора, вся дымящаяся, страшные угрозы, что если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (Исх. 19:13), также другие подобные грозные явления удерживали других внизу горы, и для них много было, по надлежащем очищении, слышать один глас Божий; между тем Моисей и на гору восходит, и вступает внутрь облака, и получает закон, и приемлет скрижали, для народа скрижали письмени, а для тех, которые выше народа, скрижали Духа. 93. Слышу также о Надаве и Авиуде, что они, воскурив фимиам чуждым огнем, наказаны тем самым, в чем оказали нечестие, нашли для себя погибель в самое время и на самом месте нечестивования, и хотя отец их Аарон был пред Богом вторым по Моисее, однако же не мог спасти их (Лев. 10:1, 2). Знаю, что было со священником Илием и несколько после него с Озой. Один понес наказание за беззаконие сыновей, когда они при жертвоприношениях осмеливались прежде времени вынимать мяса из котлов, хотя отец и не одобрял такого их нечестия, а, напротив того, многократно делал им строгие выговоры (1 Цар. 2:13, 14). Другой наказан единственно за то, что коснулся кивота, увлекаемого тельцом; и хотя поддержал кивот, однако же сам погиб (2 Цар. 6:6, 7); так Бог охранял досточтимность кивота. 94. Знаю еще, что самые телесные пороки, и в священниках и в жертвенных животных, подвергались строгому исследованию и было узаконено, чтобы совершенные приносили совершенное; а сие, как думаю, служило символом душевной непорочности. Не позволялось также ни всякому касаться священнической одежды или какого-либо священного сосуда, ни вкушать самых жертв кому не надлежало или на неприличном месте и в неприличное время, ни подделывать елей помазания и фимиам сложения, ни входить во святилище, если кто хотя мало был нечист душой и телом. Тем паче не дерзали часто входить во Свята Святых, куда доступ дозволялся только одному и единожды в год. Тем паче не смел всякий простирать взор или касаться к завесе, или к очистилищу, или к кивоту, или к Херувимам. 95. Итак, зная сие, а вместе и то, что всякий недостоин Великого Бога, Архиерея и Жертвы, если не представил он прежде себя самого Богу в жертву живую и святую, не показал опытов благоугодного словесного служения, не принес Богу жертвы хвалы — духа сокрушенного — жертвы, какой только и требует от нас Даровавший нам все, — зная сие, мог ли я отважиться на то, чтобы приносить Ему жертву внешнюю, равнообразную (*ἀντίτυπον*) великим таинствам? Мог ли я облечься в образ и сан иерея, пока не освятит рук преподобными делами, пока не приобучил ока взирать здраво на тварь и единственно удивляться Творцу, а не уничтожать Создателя, пока наказание Господне не отверзло уши мои, не приложено ми ухо, еже не тяжко слышати (Ис. 50:5); не дан усерязь златый с многоценным сардийским камнем, то есть слово мудрого во ухо благопослушно (Притч. 25:12); пока уста, губы, язык не раскрылись

и не *привлекли Духа* (Пс. 118:131), не *разширились* и не *наполнились* (Пс. 80:11) духом изрекаемых таинств и догматов, пока уста, по слову мудрости, не стали *связаны* божественным *чувством* (Притч. 15:7), чтобы им (прибавлю к сему) и растворяться благовременно, а язык не исполнился радованием, не стал органом божественного сладкопения, возбуждаемый славой, *возстая рано* (Пс. 56:9) и трудясь, доколе не прилпнет к гортани; пока ноги мои не поставлены *на камени* (Пс. 39:3), не совершены, как ноги еленей (Пс. 17:34), и *стопы мои не направлены* по Богу (Пс. 118:133), ни *вмале*, ни *вовсе не проливаясь* (Пс. 72:2); пока всякий член не соделался *оружием правды* (6:13), не отложил всякую мертвенность, *пожертвую животом* (2 Кор. 5:4) и уступившую место Духу? **96.** У кого не воспаляют сердца чистые, огнем искушенные словеса Божии, когда открываются ему Писания; кто не написал их *трижды на широте сердца* (Притч. 22:21), чтобы иметь *ум Христов* (1 Кор. 2:16); кто не входил в сокровенные от многих, невидимые и темные сокровищницы (Ис. 45:3), чтобы видеть их богатство и прийти в состояние обогащать других, *духовная духовными сразуждающе* (1 Кор. 2:13); **97.** кто *не зрел* еще как должно *красоту Господню* и не *посещал храм Его*, лучше же сказать, кто сам не соделался храмом Бога Живого, живым жилищем Христовым в духе; кто не познал сродства и различия между образами и действительностью, не отступил от первых и не приложился к последней, чтобы, избежав *ветхости писмене, работати во обновлении духа* (Рим. 7:6) и перейти совершенно к благодати от закона, исполненного духовно в измождении тела; **98.** кто опытно и умозрительно не исследовал всех наименований и сил Христовых, как высочайших и первых, так и низших и последних, принадлежащих Христу по человечеству, именно же что Он — Бог, Сын, Образ, Слово, Премудрость, Истина, Свет, Жизнь, Сила, *Пара, Излияние* (Прем. 7:25), Сияние, Творец, Царь, Глава, Закон, Путь, Дверь, Основание, Камень, Бисер, Мир, Правда, Освящение, Избавление, Человек, Раб, Пастырь, Агнец, Архиерей, Жертва, *Перворожден всяя твари* (Кол. 1:15), *Перворожден* по воскресению *из мертвых* (18); кто без пользы слышит сии наименования и вещи, не входит в общение со Словом и не постигает, в каком отношении каждым из сих Оно есть и именуется; **99.** кто не прилагал старания и не учился уразумевать *премудрость Божию в тайне сокровенную* (1 Кор. 2:7); кто еще младенец, питается молоком, не сопричтен к Израилю, не вписан в воинство Божие, не способен как следует взять на себя крест Христов; кто не стал, может быть, никаким еще почетным членом *тела Христова* — тот неужели охотно и с радостью примет, чтобы поставили его во главу полноты Христовой? По крайней мере я не даю на сие приговора и совета. Напротив того, вижу здесь причины к самому сильному страху, и самую крайнюю опасность для сознающего, и важность преспеяния, и пагубные следствия погрешения в деле. **100.** Пусть другой, рассуждал я, кто многоопытен в мореход-

стве и торговле, плывет за куплей, переходит обширные моря, борется всегда с ветрами и волнами, многое, если удастся, приобретает и много бедствуя. А для меня, который держусь суши, веду неглубокую и легкую борозду жизни, с выгодами и морем раскланиваюсь издали, приятнее жить так, как могу, с небольшим и скудным куском хлеба, и влачить дни в безопасности и безмятежии, нежели для больших выгод кидаться на долговременную и большую опасность. 101. Для человека, поставленного высоко, и то уже потеря, если он не предпринимает большего, не распространяет доблестей своих на многих, но останавливается на малом числе людей и как бы большим светом освещает малый дом или юношеским всеоружием покрывает детское тело. А для человека маловажного всего безопаснее нести малое бремя, не возбуждать смеха и не увеличивать опасности возложением на себя чего-либо не по силам. Ибо, как слышим, и башню строить прилично тому только, у кого есть чем ее довершить (Лк. 14:28).

102. Итак, перед вами оправдание моего бегства, и оправдание, может быть, не недостаточное. Сие-то самое удалило меня от вас, друзья и братья, правда, к прискорбию моему, а может быть, и вашему, однако же по необходимости, по крайней мере, как мне тогда представлялось. Возвратили же меня, во-первых, приверженность моя к вам и чувствование вашей взаимной ко мне приверженности (ибо взаимное расположение всего более укрепляет любовь); 103. а во-вторых, собственная моя забота, собственное мое дело — седины и немощь священных родителей, болезнующих более обо мне, нежели о летах своих, — сего Авраама патриарха, драгоценной и равноангельной для меня главы, и Сарры, духовно рождающей нас учением веры. Для них быть жезлом в старости и опорой в немощи составляло первый обещанный мной обет, который и исполнял я по возможности, так что презрел и самое любомудрие — сие стяжание и имя всего для меня драгоценнейшее, или, справедливее сказать, в том и оказал я свое любомудрие, чтобы не казаться любомудрствующим. Почему нестерпимо для меня стало по одному поводу потерять весь труд и лишиться благословения, которое, как сказано об одном из ветхозаветных праведников, даже восхитил он, введя отца в обман снедью и накладными волосами, уловив доброе недобрым средством — через ухищрение. Итак, две причины моей уступчивости и кротости; и, может быть, ни малой нет несообразности в том, что против сих двух причин не устояли и поколебались прежние мои рассуждения. Ибо думаю, что иногда также благовременно уступить над собой победу, как бывает время и для всякого другого дела; и лучше быть честно побеждену, нежели одержать победу со вредом и незаконно. 104. В-третьих же (вот самая важная причина моего возвращения! сказав о ней, умолчу уже о прочих), я вспомнил о временах давних и, встретив одно древнее сказание, извлек из него наставление для себя в настоящем обстоятельстве.

Ибо полагаю, что заключающееся в Писании не без цели написано и не одна куча слов и предметов, собранная для развлечения слушающих, не какая-нибудь приманка для слуха, служащая только к забаве. Такова цель баснословий и тех эллинов, которые, не много заботясь об истине, очаровывают слух и сердце изяществом вымыслов и роскошью выражений. **105.** Но мы, тщательно извлекающие духовный смысл из каждой черты и буквы, нимало не согласны думать (сие было бы и несправедливо), чтобы и самые мало значительные деяния без какой-либо цели были и писателями подробно описаны, и до сего времени сохранены на память. Напротив того, цель их — служить памятниками и уроками, как судить в подобных, если встретятся, обстоятельствах, чтобы мы, следуя сим примерам, как некоторым правилам и предначертанным образцам, могли одного избегать, а другое избирать.

106. Какое же сказание и в чем состоит наставление? Может быть, не худо будет рассказать сие для утверждения многих. Бежал и Иона от лица Божия, или, вернее сказать, думал убежать, но удержан был морем, бурей, жребием, чревом китовым и тридневным погребением, которое послужило образом высшего таинства. Но Иона бежал, чтобы не идти к ниневитянам с печальной и необыкновенной вестью и чтобы впоследствии не оказаться лжецом, если город спасется через покаяние. Ибо не спасение злочестивых огорчало его, но он стыдился быть служителем лжи и как бы ревновал о достоверности пророчества, которая в нем могла подвергнуться сомнению, потому что многие не способны проникать в глубину Божия о сем Домостроительства. **107.** А как слышал я о сем от одного мудрого мужа, который не неприлично объяснял видимую несообразность сказания и способен был разуместь глубокий смысл пророка, — не такая причина сделала блаженного Иону беглецом и, укрывшегося на море, привела в Иоппию, а из Иоппии вела в Фарсис. Невероятно, чтобы он, будучи пророком, не знал Божия намерения, то есть что Бог, по Своей великой премудрости, по неиспытваемым судьбам, неисследным и непостижным путям Своим, самой угрозой производил то, чтобы ниневитяне не потерпели предсказанного в угрозе. А если пророк знал сие, то невероятно также, чтобы он не покорился Богу, благоугодным Ему образом устроившему спасение ниневитян. Думать же, что Иона надеялся укрыться в море и спастись бегством от великого ока Божия, было бы совершенно нелепо и невежественно; такая мысль была бы несправедлива не только о пророке, но и о всяком другом человеке, имеющем разум и сколько-нибудь познавшем Бога и Его всепревосходящее могущество. **108.** Напротив того, Иона, как говорит рассуждавший о сем муж, в чем и я убежден, лучше всякого другого знал и то, что будет следствием проповеди ниневитянам, и то, что он сам, замысливший бегство, хотя переменит место, но не убежит от Бога; как не избег бы и всякий другой, хотя бы укрылся в недрах земли, в глубинах моря, избрал средство подняться на крыльях и летать

по воздуху, снизошел в самую преисподнюю ада, или облекся густой облака, или придумал другой возможный способ к утаению побега. 109. Напротив того, ежели Бог восхощет кого остановить и удержать в руке Своей, то сие всего неизбежнее, всего неодолимее. Он предускоряет быстрых, перехитряет хитрых, низлагает сильных, смиряет высоких, укрощает дерзновенных, подавляет всякую силу. Посему, конечно, знал крепкую руку Божию Иона, который угрожал ей другим, и он не думал, что вовсе убежит от Бога. Сие нимало не вероятно. Но поелику Иона провидел падение Израиля и предчувствовал, что пророческая благодать переходит к язычникам, то он уклоняется от проповеди, медлит в исполнении повеления и, оставив сторожевую башню радости, что на еврейском значит Иоппия, то есть древнюю высоту и достоинство, ввергает сам себя в море скорби. Потому и обуревается, и спит, и терпит кораблекрушение, и пробуждается от сна, и подпадает жребию, и сознается в бегстве, и погружается в море, и поглощается китом, но не истребляется, а призывает там Бога и (какое чудо!), подобно Христу, по прошествии трех дней возвращается оттуда.

110. Но оставим о сем слово в надежде, если даст Бог, обстоятельнее поговорить в последствии времени. А теперь, чтобы речь возвратилась к своему предмету, остановлюсь на той мысли и на том рассуждении, что для Ионы, может быть, и извинительно было, по изложенной выше причине, отречься от пророческого служения. Но осталось ли бы какое извинение и место к оправданию для меня, если бы стал я долее упорствовать и отрицаться от возлагаемого на меня (не знаю как назвать) легкого или тяжелого, но все же ига служения. 111. Ибо ежели бы иной не попрекословил мне и тем (что одно и можно в настоящем случае сказать, как нечто твердое), что я весьма недостоин священнослужения пред Богом, и что прежде надобно соделаться достойным Церкви, а потом уже алтаря, и прежде достойным алтаря, а потом уже председательства, то другой, может быть, не освободил бы меня от обвинения в неповиновении. Но страшны угрозы, ужасны наказания за неповиновение, равно как и за противное сему, если кто нимало не смущается, не отрицается и не скрывается, как Саул, в отцовских *сосудех* (1 Цар. 10:22), как скоро слегка призывают его к принятию начальства, но с готовностью, как за самое легкое и удобное дело, берется за то, в чем не безопасно переменить намерение и принятое поправлять новым.

112. Посему-то я долго боролся с мыслями, придумывая, как поступить, и находясь между двумя страхами, из которых один принуждал меня оставаться внизу, а другой — идти вверх. И после многих недоумений, перевешиваясь на ту и другую сторону или, подобно струе, гонимой противными ветрами, склоняясь туда и сюда, наконец уступил я сильнейшему; 113. меня препобедил и увлек страх оказаться непокорным. И смотрите, как прямо и верно держусь я среди сих страхов, не домогаюсь начальства не данного и не отвергая данного. Ибо первое означало

бы дерзость, последнее же — непокорность, а то и другое вместе — невежество. Но я соблюдаю средину между слишком дерзновенными и между слишком боязливими; я боязливее тех, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннее тех, которые всякого убегают. Так я разумею дело сие, и выражусь еще яснее: против страха быть начальником подаст, может быть, помощь закон благопокорности, потому что Бог по благи Своей вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на Него уповает и в Нем полагает все надежды. Но не знаю, кто будет помощником и какое слово внушит упование в случае непокорности. Ибо опасно, чтобы нам о вверяемых нашему попечению не услышать следующего: «Души их *от рук ваших възьму* (Иез. 3:18). Как вы отвергли Меня и не захотели быть вождями и начальниками народа Моего, так и Я отвергнусь вас и не буду вашим царем. Как вы не послушали гласа Моего, но презрительно обратили ко Мне хребет и не повиновались, так будет и вам: когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу и не услышу ее». Да не придет на нас такой приговор Праведного Судии, Которому *воспеваем милость*, но вместе воспеваем, конечно, и *суд* (Пс. 100:1)!

114. А я обращаюсь опять к истории и, рассматривая самых благоискусных мужей в древности, нахожу, что из тех, кого благодать предызбирала когда-либо в звание начальника или пророка, одни с готовностью следовали избранию, а другие медлили принимать дар; но ни те, ни другие не подвергались осуждению, как отрекавшиеся — за боязнь, так и изъявившие согласие — за ревность. Ибо одни устрасались важности служения, а другие повиновались по вере в Призывающего. Аарон изъявил готовность, а Моисей прекословил. С готовностью повиновался Исаия, а Иеремия страшился юности и не прежде отважился на звание пророка, как получив от Бога обетование и силу, превышающую возраст. 115. Сими размышлениями успокаиваю я сам себя, и душа моя понемногу уступает и смягчается, как железо; а в помощники к сим размышлениям беру я время и в советники — Божии оправдания, которым верил я всю жизнь свою. Посему *не противлюся, ни противогаголю* (Ис. 50:5) (слова моего Владыки, не к начальствованию призываемого, *но яко овца на заколение* (Ис. 53:7) ведомого), даже подклоняюсь и смиряюсь под крепкую руку Божию и прошу извинить прежнюю мою леность и непокорность, если сколько-нибудь виновен я в сем. Я умолкал, но не всегда буду молчать; удалился ненадолго, сколько было нужно, чтобы рассмотреть себя и доставить себе утешение в скорби, но теперь готов *возносить Его в церкви людстей и восхвалять на седилищи старец* (Пс. 106:32). Если за одно должно осуждать, то за другое можно извинить.

116. Но к чему мне продолжать слово? Я с вами, пастыри и сопастыри! С тобой, святая паства, достойная Архипастыря Христа! И ты, отец мой, совершенно победил и подчинил меня более по Христовым, нежели по мирским законам. Видишь благопокорность — возврати благословение. И сам руководи молитвами, путеводствуй словом, утверждай

духом. *Благословение отчее утверждает дома чад* (Сир. 3:9). О, если бы утвердиться мне и сему духовному дому, который избрал я и о котором молюсь, чтобы он и для меня был упокоением в век века, когда из здешней Церкви препослан буду к Церкви тамошней — к торжеству первородных, написанных на небесах! Таково и столь справедливо мое моление!

117. Бог же мира, сотворивший обоя едино и возвративший нас друг другу, посаждающий царей на престолах и воздвигающий с земли убогого, из низкого состояния возвышающий нищего, избравший Давида, раба Своего, и взявший от стад овчих того, кто был младшим и юнейшим из сынов Иессеевых, дающий слово благовествующим силою мноюю во исполнение Евангелия, — Сам, пася пастырей и водя вождей, да поддерживает десную руку нашу, да путеводствует по воле Своей и да примет со славой, чтобы и нам упасти паству Его благоразумно, а не в *сосудах пастыря неискусна* (Зах. 11:15) — одно поставлено у древних в числе благословений, а другое — в числе проклятий, — Сам да даст силу и державу людем Своим (Пс. 67:36), Сам да представит Себе паству славной и нескверной, достойной горнего двора, в обители веселящихся, во светлости святых, чтобы в храме Его все мы, и паства и пастыри, купно могли вещать славу, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому всякая слава во веки веков аминь!

СОДЕРЖАНИЕ

Митрополит Омский и Таврический Владимир

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХ ОTCОВ
ЦЕРКВИ И ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ9

Профессор МДА, доктор церковной истории А. И. Сидоров

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТВОРЕНИЯМ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА..... 16

СЛОВА СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА..... 19

СЛОВО 1, на Пасху и о своем замедлении21

СЛОВО 2, к призвавшим вначале, но не встретившим
св. Григория, когда он стал пресвитером 24

СЛОВО 3, в котором Григорий Богослов оправдывает удаление
свое в Понт, по рукоположении во пресвитера и потом
возвращение оттуда, также учит, как важен сан священства
и каков должен быть епископ27

СЛОВО 4, первое обличительное на царя Юлиана61

СЛОВО 5, второе обличительное на царя Юлиана 107

СЛОВО 6, о мире, сказанное в присутствии отца после
предшествовавшего молчания, по случаю воссоединения
монашествующих 125

СЛОВО 7, надгробное брату Кесарию, сказанное еще при жизни
родителей 137

СЛОВО 8, надгробное Горгонии, сестре св. Григория Назианзина... 150

СЛОВО 9, защитительное, по рукоположении
св. Григория Богослова в епископа Сасимского,
сказанное им отцу своему Григорию в присутствии
Василия Великого..... 161

СЛОВО 10, защитительное, по возвращении св. Григория Богослова
из уединения, сказанное им отцу своему и Василию Великому ... 164

СЛОВО 11, сказанное брату Василия Великого, святому Григорию,
епископу Нисскому, когда он пришел к св. Григорию Богослову,
по рукоположении его в епископа 166

СЛОВО 12, сказанное отцу, когда сей поручил ему попечение
о Назианзской Церкви 170

СЛОВО 13, произнесенное при рукоположении Евлалия
в епископа Доарского 173

СЛОВО 14, о любви к бедным.....	175
СЛОВО 15, сказанное в присутствии отца, который безмолвствовал от скорби, после того как град опустошил поля.....	197
СЛОВО 16, на память святых мучеников Маккавеев.....	208
СЛОВО 17, сказанное встревоженным жителям Назианза и прогневанному градоначальнику.....	217
СЛОВО 18, сказанное в похвалу отцу и в утешение матери Нонне в присутствии св. Василия, к которому обращено вступление в слово.....	223
СЛОВО 19, сказанное св. Григорием Богословом о словах своих Юлиану, производившему народную перепись и уравнение податей.....	246
СЛОВО 20, о поставлении епископов и о догмате Святой Троицы....	254
СЛОВО 21, похвальное Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому.....	260
СЛОВО 22, о мире, сказанное в общем собрании единоверных, бывшем после примирения.....	278
СЛОВО 23, о мире, сказанное в Константинополе по случаю распри, происшедшей в народе, о некоторых несогласных между собой епископах.....	285
СЛОВО 24, в похвалу святого священномученика Киприана, сказанное на другой день его памяти по возвращении Григориювом из села.....	294
СЛОВО 25, в похвалу философа Ирона, возвратившегося из изгнания.....	304
СЛОВО 26, произнесенное святым Григорием Богословом о себе самом, когда он после Максимова покушения занять архиепископский престол в Константинополе возвратился из села.....	316
СЛОВО 27, против евномиян и о богословии первое, или предварительное.....	327
СЛОВО 28, о богословии второе.....	333
СЛОВО 29, о богословии третье, <i>о Боге Сыне первое</i>	351
СЛОВО 30, о богословии четвертое, <i>о Боге Сыне второе</i>	364
СЛОВО 31, о богословии пятое, <i>о Святом Духе</i>	376
СЛОВО 32, о соблюдении доброго порядка в собеседовании и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге.....	392
СЛОВО 33, против ариан и о самом себе.....	407
СЛОВО 34, к пришедшим из Египта.....	416

СЛОВО 35, на память мучеников и против ариан	422
СЛОВО 36, о себе самом и к говорившим, что св. Григорий желает Константинопольского престола.....	425
СЛОВО 37, на евангельские слова: <i>Егда сконча Иисус словеса сия</i> и проч. (Мф. 19:1)	432
СЛОВО 38, на Богоявление, или на Рождество Спасителя	442
СЛОВО 39, на святые светы явлений Господних.....	451
СЛОВО 40, на Святое Крещение	461
СЛОВО 41, на Святую Пятидесятницу	487
СЛОВО 42, прощальное, произнесенное во время прибытия в Константинополь ста пятидесяти епископов.....	496
СЛОВО 43, надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской	510
СЛОВО 44, на неделю новую, на весну и на память мученика Маманта.....	553
СЛОВО 45, на Святую Пасху	559

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВЯЩЕННИК НИКОЛАЙ ВИНОГРАДОВ. ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ СВЯТОГО ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА	575
--	------------

ВВЕДЕНИЕ

Значение четвертого века в истории христианства вообще и в литературно-богословском отношении в особенности. Религиозно-философские движения в христианской Церкви в предыдущий период ее истории и догматическая деятельность Церкви в борьбе с монархианством, или антитринитаризмом, на Западе и на Востоке. Необыкновенное усиление интереса в христианском обществе четвертого века к догматическим истинам вообще и к догмату о Святой Троице в особенности. Решение вопроса о Святой Троице в связи с предшествующим его состоянием. Арий и его учение о Сыне Божиим. Арианские партии: омиусиане или полуариане и аномеи или евномиане. Вопрос о Святом Духе и возникновение ереси Македония. Догматическая деятельность Церкви в борьбе с арианскими доктринами. Св. Афанасий Александрийский; борьба его с арианством и раскрытие церковного учения о Сыне Божиим и отчасти о Святом Духе и Пресвятой Троице. Свв. Василий Великий и Григорий Нисский. Сходство их со св. Афанасием в общем направлении богословия и учении о Сыне Божиим. Борьба их с Евномием по вопросу о богопознании и раскрытие церковного учения об этом предмете. Полемика их с евномианами и македонянами по вопросу о третьей Ипостаси Святой Троицы и доказательства божества, единосущия, равенства Духа Святого с Отцом и Сыном и Его самостоятельного бытия. Учение свв. Василия Великого и Григория Нисского о Святой Троице. — Возникновение вопросов в области христологической. Лжеучение Аполлинария. Борьба с ним православных отцов и раскрытие положительного учения о соединении в Лице Иисуса Христа двух естеств. Появление в ряду защитников православных догматов св. Григория Назианзина..... 577

Общий характер богословия св. Григория Назианзина

Личность св. Григория Богослова, его воспитание, образование, характер и стремления. Жизнь и деятельность св. Григория до прибытия его в Константинополь. Пастырская деятельность его в Константинополе. Удаление св. Григория из Константинополя и литературные занятия его в последние годы жизни..... 670

Часть первая. УЧЕНИЕ О БОГЕ В СЕБЕ САМОМ..... 682

Глава I. Учение о Боге в его существе

(О непостижимости существа Божия и о свойствах Божиих)

Условие, необходимое для созерцания Божества. Отсутствие доказательств бытия Божия в догматической системе Григория Богослова, кроме доказательства физико-телеологического. Poleмика св. Григория с Евномием по вопросу о богопознании; раскрытие и доказательства непостижимости и неопределимости существа Божия. Причины, обуславливающие непостижимость существа Божия для человека в настоящем его состоянии, и возможность совершенного богопознания, сообразно с силами человека, в будущей жизни. Степень познания человека о Боге или учение о свойствах Божиих. Главнейшие свойства Божиих, указываемые св. Григорием в его творениях. Вопрос о значении свойств Божиих и отношении их к сущности Божества..... 682

Глава II. Учение о Боге Троичном в Лицах

Внимание к догмату о Святой Троице в первые века христианства вообще и в четвертом веке в особенности. Важность и значение этого догмата в глазах св. Григория Богослова и его особенное внимание к нему. Сознание Богословом трудности понимания и изложения догмата о Святой Троице. Главные и существенные стороны, раскрываемые им в этом догмате..... 696

Учение о Святой Троице вообще

Общие замечания касательно трудности вопроса о Святой Троице и решения его в системах антиринитарных и арианских, а также касательно раскрытия и уяснения его отцами и учителями Церкви третьего и четвертого веков. Сходство св. Григория Богослова в раскрытии догмата о Святой Троице с современными ему отцами и отличие от них. Сущность тайны Пресвятой Троицы, по воззрению св. Григория: совместное существование в христианском понятии о Боге *единства и различия*. Объяснение им этой тайны и раскрытие образа бытия единства и различия в Божестве. Две основные истины, заключающиеся в христианской тайне Святой Троицы, — единство природы и троичность Лиц в Боге — и раскрытие св. Григорием этих истин посредством аналогии света и его лучей. Классическое место в творениях Богослова, выражающее сущность христианской тайны Пресвятой Троицы. Частное и подробное раскрытие св. Григорием троичности и единства в Божестве. Определение отношения между единством и троичностью или между сущностью и Лицами в Боге. Образ бытия Божественных Лиц в субстанции Божества. Единство природы и троичность Лиц — нераздельные и взаимно обуславливающие друг друга стороны в Божестве. *Общее* (τὸ κοινὸν) в Боге, обуславливающее Его единство, и *особенности* (τὰ ἴδια или ἰδιότητες), обуславливающие Его троичность. Невозможность определения и уяснения внутренних отношений в Боге, по сознанию св. Григория, и недостаточность в этом отношении образов и аналогий, заимствуемых из окружающей природы. Взгляд св. Григория Богослова на православный догмат о Святой Троице и современные ему еретические системы в отношении к этому

догмату. Обличение им внешнего поведения еретиков, разоблачение их заблуждений касательно догмата о Святой Троице вообще и раскрытие истинного смысла, заключающегося в православном учении о Святой Троице. Доказательства православного догмата о Святой Троице, заимствованные Богословом из Священного Писания и Предания. Общие замечания о несостоятельности современных св. Григорию еретических систем в учении о Святой Троице, вытекающей (несостоятельности) из учения его о единстве и троичности в Божестве и из смешения ими понятий «*οὐσία*» и «*ἰπόστασις*»... 700

Учение о Лицах Святой Троицы

Общие замечания относительно связи христианского учения о Лицах Святой Троицы с учением о Святой Троице вообще и необходимости раскрытия учения о каждом Лице Святой Троицы, представлявшейся православным богословам четвертого века ввиду еретических заблуждений..... 731

А) Учение о Боге Отце

Задачи православных богословов четвертого века в отношении к учению о Боге Отце. Личные свойства Бога Отца, раскрываемые св. Григорием Богословом: неначинаемость бытия, отчество и изведение Святого Духа. Отношение Бога Отца к двум другим Ипостасям Святой Троицы, раскрываемое Богословом в его полемике с арианами и евномианами 732

Б) Учение о Боге Сыне

Необыкновенный интерес и внимание к личности Сына Божия в христианском обществе. Полемика св. Григория Богослова с арианами и евномианами по вопросу о Сыне Божиим. Решение им еретических возражений диалектического и философского характера. Опровержение возражений против божества и единосущия Сына Божия с Отцом, заимствованных еретиками из Священного Писания. Положительное учение св. Григория о Сыне Божиим: божество Сына Божия, предвечное Его рождение и единосущие с Отцом, Его личное и самостоятельное бытие. Наименования Сына Божия, встречающиеся в Священном Писании, и значение их 737

В) Учение о Боге Духе Святом

Общее представление св. Григория о третьей Ипостаси Святой Троицы, вытекающее из его учения о Святой Троице вообще. Его объяснение, почему Священное Писание говорит о божестве Духа Святого не с такой ясностью, как о божестве Отца и Сына. Положительное учение о Духе Святом, раскрываемое Богословом в полемике с духоборцами, или македонянами: вечное и самостоятельное бытие Духа Святого, Его божество и единосущие с Отцом и Сыном. Личное свойство Духа Святого и недоступность его для человеческого понимания.

Общее замечание о значении истин божества и единосущия Лиц Святой Троицы в системе всего христианского вероучения 760

Часть вторая. УЧЕНИЕ О БОГЕ В ОТНОШЕНИИ К МИРУ

Общее замечание о состоянии учения о Боге в Его отношении к миру в четвертом веке вообще и отношении к нему св. Григория Богослова в частности. Задачи и характер исследований св. Григория в этой части христианской догматики 779

ГЛАВА I. УЧЕНИЕ О БОГЕ — ТВОРЦЕ МИРА

Учение о мире вообще (космология)

Взгляд св. Григория Богослова на различные теории о происхождении мира и его собственное учение об этом предмете. В чем состояла деятель-

ность Божества до творения Им мира и что служило побуждением для Бога к созданию видимого мира? Краткие указания св. Григория на порядок явления тварных существ. Первоначальное состояние мира и причина зла и несовершенства в мире..... 780

Учение о духах (пневматология)

Природа и свойства духов. Различные чины ангельские. Деятельность духов. Падение одного из высших духов и расстройство в мире духовном. Стремление злых духов к распространению зла во всем мире 785

Учение о человеке (антропология)

Состояние антропологического учения в христианском богословии вообще и у св. Григория Богослова в частности. Учение св. Григория о природе человека вообще и в особенности о душе. Откуда берут свое начало и как образуются души людей? Тайна соединения в человеке души и тела — двух противоположных природ. Взгляд св. Григория на отношение между духом и плотью в человеке. Постоянная борьба между ними и причина этой борьбы 790

Учение о грехопадении человека и его следствиях

Возможность грехопадения человека, вытекающая из общего воззрения св. Григория на его природу. Взгляд Богослова на прародительский грех. Следствия греха прародителей в отношении к лишению человека благ и в отношении к порче его природы. Переход первородного греха от прародителей на их потомство и объяснение им различных ненормальных явлений в природе и жизни людей. Отражение последствий первородного греха в природе неразумной. Необходимость восстановления нарушенного порядка в мире, вытекающая из понятия св. Григория о Боге как Существо живом, деятельном и бесконечно благом.....801

ГЛАВА II. УЧЕНИЕ О БОГЕ — ПРОМЫСЛИТЕЛЕ МИРА

Промышление Божие о мире вообще

Связь в системе св. Григория учения о промыслительной деятельности с учением о творческой деятельности Божества. Несостоятельность языческих теорий, отрицавших Промысл Божий. Промыслительная деятельность Божества — основание и причина всех явлений и событий в мире. Непостижимость путей Промысла Божия..... 807

Промышление Божие о человеке в особенности

Необходимость признания особенной промыслительной деятельности Божества в отношении к падшему человеку, вытекающая из понятия св. Григория о Боге и воззрения его на природу человека в падшем его состоянии и самое падение. Средства, употребленные Богом для восстановления падшего человека. Необходимость в чрезвычайном средстве для спасения человека 810

ГЛАВА III. УЧЕНИЕ О БОГЕ — СПАСИТЕЛЕ МИРА

Учение о воплощении Сына Божия (христология)

Взгляд св. Григория на воплощение Сына Божия, как событие сверхъестественное и чудесное. Повод к раскрытию им внутренней стороны догмата о воплощении Сына Божия. Отношение св. Григория к лжеучению Аполлинария. Полемика его с аполлинаризмом и раскрытие положительного учения о способе соединения в Иисусе Христе двух естеств. Решение некоторых возражений аполлинаристов против православного учения о соединении в Лице Иисуса Христа двух совершенных природ..... 814

Учение об искуплении человека (сотериология)

Общее замечание о невозможности догмата об искуплении в еретических системах докетизма, монархианства, арианства и аполлинаризма и возможности его в догматической системе православной. Связь сотериологического учения в системе св. Григория Богослова с учением его о падшем состоянии человека. Цель воплощения и сущность искупительной деятельности Сына Божия, по изображению св. Григория. Особенная важность и значение первосвященнического служения Иисуса Христа. Вопрос об отношении нашего спасения к страданиям и смерти Богочеловека. Кому принесена голгофская Жертва? Всеобщее значение искупительных действий воплотившегося Сына Божия.....826

Глава IV. Учение о Боге-Освятителе (Учение о таинствах)

Сообщение человеку во имя искупительных заслуг Иисуса Христа освящающей благодати. Значение Божественной благодати в нравственной деятельности человека, по воззрению Назианзина. Учение о таинствах. Таинство Святого Крещения. Его важность, сущность и действие. Необходимость крещения для всех людей. Деятельное участие человека в совершении спасения, при благодати святого крещения. Взгляд св. Григория на грехи после крещения и отношение его к согрешающим. Взгляд его на отлагательство крещения и разбор различных мотивов и побуждений к отсрочке принятия таинства, распространенных в современном ему обществе. Необходимость крещения младенцев. Участие умерших без крещения. — Таинство Святой Евхаристии. Особенное благоговение к нему св. Григория. Воззрение Богослова на таинство Евхаристии как таинство Тела и Крови Иисуса Христа. Замечания относительно некоторых выражений св. Григория о веществах, предлагаемых в таинстве Евхаристии. — Таинство священства. Взгляд св. Григория на это таинство и обязанности, соединенные с ним; требования его по отношению к лицам, принимающим на себя священный сан. — Таинство брака. Божественность его происхождения и духовное значение. Взгляд Богослова на второй и третий брак. Условие святости первого брака. Преимущество девства перед супружеством. Условие важности и преимущества безбрачной жизни перед брачной. — Замечание относительно воззрения св. Григория на отношение благодати к нравственной деятельности человека, воззрения, обуславливающего учение о мздовоздаянии.....832

Глава V. Учение о Боге — Судии и Мздовоздателя

Учение о последней судьбе человека (эсхатология)

Общее замечание об отношении св. Григория Богослова к учению о загробной жизни. Вера Богослова в будущую жизнь и основания его веры. Всеобщий суд и мздовоздаяние. Блаженство праведников и вечные мучения грешников.....857

ЗАКЛЮЧЕНИЕ864

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТ ИЗ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ К ПЕРВОМУ ТОМУ

ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА878